

Анастасия
Вежина

*Иногда
самые сильные чувства
рождаются
в одном кабинете*

*Некоторые
коллеги
никогда
не становятся
просто
коллегами*

Ненавижу *тебя,* Измайлова

18+

Анастасия Вежина

Ненавижу тебя, Измайлова

<https://litres.ru/74605147>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пять лет я считала свой брак идеальным. Пока не увидела видео, на котором мой муж целует другую.

Я могла устроить скандал. Подать на развод. Уйти.

Вместо этого я совершила ошибку, которая едва не стоила мне карьеры: скрыла конфликт интересов и вошла в проект по проверке компании, которой руководит мой муж.

Мне нужны были факты. Но цифры показали куда больше, чем супружескую ложь.

А потом появился Дмитрий Сабуров — управляющий партнёр холдинга и человек из моего школьного прошлого. Мужчина, который семнадцать лет был уверен, что именно я когда-то разрушила ему жизнь.

Он ненавидит меня.

Я не собираюсь перед ним оправдываться.

Только чем ближе мы подбираемся к правде, тем труднее понять, что опаснее: потерять карьеру, окончательно разрушить брак или довериться мужчине, который должен был остаться моим врагом.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	43
Глава 5	57
Глава 6	70
Глава 7	84
Глава 8	100
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Анастасия Вежина

Ненавижу тебя, Измайлова

Глава 1

Алина

Наш дом всегда пах правильно.

Дорогим воском для паркета, сухим розмарином, тяжелым льняным текстилем и тем едва уловимым, чистым теплом, которое бывает только в квартирах с хорошей вентиляцией и высокими потолками. Этот запах мы выстраивали пять лет, как выстраивают надежный финансовый отчет: методично, исключая случайные примеси, проверяя каждую статью расходов и каждую деталь интерьера.

В прихожей мягко щелкнул электронный замок. Тяжелая дверь приоткрылась, впуслав сырой сквозняк московского осеннего вечера и звук шагов.

Стас вошел в квартиру ровно в восемь двадцать.

— Аля? — его голос прозвучал с той привычной, уверенной хрипотцой, от которой внутри у меня до сих пор что-то послушно оттаивало. — Ты дома?

— На кухне, — отозвалась я, не оборачиваясь от плиты.

Я дожаривала стейки из мраморной говядины — три минуты с каждой стороны на рифленом чугуне, ровно до меди-

ума, как он любил. На кухонном острове из серого кварца уже стояли два тяжелых бокала из тонкого стекла и бутылка сухого тосканского вина, открытая двадцать минут назад, чтобы дать ему подышать. Белая льняная салфетка лежала строго параллельно краю столешницы.

Порядок успокаивал меня. В «ФинСфере» мой рабочий день состоял из чужих контрольных дефектов, нестыковок в первичных документах и бесконечных журналов проводок. Дома мне требовалась идеальная сходимостъ баланса.

Стас подошел сзади, положил ладони мне на плечи и наклонился. Его губы коснулись моей шеи — чуть ниже мочки уха, где кожа всегда была особенно чувствительной к холоду.

— Пахнет потрясающе, — выдохнул он. — Ты волшебница. Я сегодня за весь день успел перехватить только чашку американо между совещаниями.

Его пальцы были теплыми, чуть сухими. Привычный жест, привычная ласка. Я повернулась в кольцо его рук, собираясь улыбнуться, и уткнулась носом в лацкан его темно-синего пиджака.

Там был его парфюм — терпкий ветивер и сухой табак. Дорогой, статусный, купленный мной в дьюти-фри в нашу последнюю поездку в Рим.

И что-то еще.

Сладковатая, пудровая нота. Белый мускус и миндаль. Женский шлейф — тонкий, въедливый, не имеющий никакого отношения к моим легким цитрусовым духам.

В горле на секунду пересохло.

— Тяжелый день? — спросила я, заставляя себя не отстраняться слишком резко.

— Адский, — Стас легко отпустил меня, снял пиджак и бросил его на спинку барного стула. — В салоне на Ленинградке комиссия по пожарной безопасности, поставщики крутят носом из-за логистических плеч, а в холдинге ждут от меня презентации до конца недели.

Он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, стянул шелковый галстук и бросил его рядом с пиджаком. Все было естественно. Мужчина вернулся с работы, где руководит сотней людей и многомиллионными оборотами. В автосалонах премиум-класса всегда крутятся клиентки, пахнущие нишевой парфюмерией, администраторы, менеджеры по кредитованию. Случайное касание в переговорной, воздух в лифте, узкий проход у ресепшена.

«Ты аудитор, Измайлова, — мысленно осадил я себя. — Не строй гипотезу на одном косвенном признаке. Это непрофессионально».

— Садись, — я переложил мясо на деревянную доску, давая ему отдохнуть под фольгой. — Вино открыто.

Стас обошел остров, сел на высокий стул и потянулся к бокалу. Он выглядел великолепно — в тридцать пять лет он сохранил подтянутую фигуру бывшего пловца, а легкая седина на висках только добавляла его лицу той лощеной, породистой уверенности, которая так безотказно действовала

на инвесторов и партнеров. Мы поженились, когда ему было тридцать, мне — двадцать семь. За пять лет мы ни разу не устроили безобразной сцены с криками. Мы были взрослой, успешной, красивой парой. Фасад нашего брака не имел ни единой трещины.

— У меня новость, Аль, — сказал он, сделав глоток и глядя на меня поверх рубинового стекла. — В пятницу улетаю. Я замерла с разделочным ножом в руке.

— В пятницу? Ты говорил, поездка планируется ближе к концу месяца.

— Сдвинули графики с той стороны, — он пожал плечами, разрезая поданный кусок мяса. Движения его ножа были точными, выверенными. — Шанхай, потом Гуанчжоу, потом две пересадки по дилерским заводам. Нам кровь из носу нужно зафиксировать эксклюзивные квоты на прямые поставки до того, как холдинг утвердит инвестиционный бюджет на следующий год. Поездка длинная. Пять недель, не меньше.

— Пять недель, — повторила я.

Срок упал между нами тяжелой чугунной гирей. Больше месяца. Мы никогда не расставались дольше, чем на десять дней.

— Я знаю, милая, — Стас мягко накрыл мою свободную ладонь своей рукой. — Это долго. Я сам не в восторге. Но ты же знаешь, что сейчас стоит на кону. Если мы закроем этот контракт и холдинг согласует расширение, «Престиж-Авто»

выйдет на совершенно другой уровень. Второй дилерский центр на Новой Риге, сервисный хаб, новый пул бюджетов. Моя позиция зацементируется намертво.

— Кто принимает окончательное решение по бюджету? — спросила я, возвращаясь в привычное русло рабочих координат. Мне было проще говорить о структуре сделки, чем о пустой квартире, в которой мне предстояло ночевать тридцать пять дней подряд.

— Инвестиционный комитет группы, — Стас усмехнулся, но в этой усмешке впервые мелькнуло напряжение. Он убрал руку с моей ладони и потянулся за вилкой. — Там сейчас перестановки. Все замыкается на управляющего партнера. Дмитрий Сабуров, слышала о таком?

Нож в моей руке едва заметно дрогнул, чиркнув лезвием по деревянной доске.

Сабуров.

Фамилия полоснула по памяти внезапным, острым холодом, словно кто-то распахнул форточку прямо в промозглую пыль старого школьного спортзала. Провинциальный городок за триста километров от Москвы. Десятый класс. Тихий, угрюмый парень с вечно сбитыми костяшками пальцев, дешевой серой курткой и цепким, волчьим взглядом исподлобья.

Семнадцать лет прошло. Целая жизнь.

— Нет, — ровным голосом ответила я, раскладывая на тарелке запеченные черри. — В консалтинге с ним не пере-

секалась. Резкий?

— С ним тяжело, — поморщился Стас, и на его лбу залегла глубокая складка. — Абсолютно негибкий мужик. Из тех, кто не верит презентациям, требует первичку до копейки и проверяет каждый чих через контрольные службы. Смотрит так, будто ты уже украл у него половину холдинга, просто он еще не нашел платежку. Все под ним ходят по струнке. Если Сабуров срежет бюджет расширения, совет директоров даже слушать меня не станет. Поэтому мне нужен железный контракт в Азии. Такой, к которому он со своими внутренними контролями не сможет придрататься.

«Дмитрий Сабуров».

В Москве тысячи людей с такой фамилией. Мальчик из бедной семьи, чья мать работала медсестрой на полторы ставки, не мог оказаться ключевым совладельцем и управляющим партнером крупнейшей автомобильной группы «Север-Авто». Это было статистически невероятно. Совпадение, не более. Обычное созвучие, выдернувшее из памяти старый мусор, которому давно пора сгнить.

Я сделала глоток вина, чувствуя, как терпкая танинная сухость вяжет язык.

— Ты справишься, — сказала я. — Ты умеешь убеждать людей.

— Спасибо, родная, — Стас улыбнулся своей фирменной, открытой улыбкой, от которой вокруг глаз разбегались обаятельные лучики. — Мне важно знать, что ты в меня веришь.

Без твоего спокойствия я бы давно сорвался.

В этот момент его телефон, лежавший на кварцевой столешнице возле салфетницы, коротко вздрогнул.

Экран вспыхнул.

Я сидела под углом и не успела разобрать текст, но белое поле всплывшего пуш-уведомления резануло по глазам в приглушенном свете кухни.

Стас среагировал мгновенно.

Не суетливо, не испуганно — в его движениях не было паники. Он просто плавно, почти медитативно протянул руку, подцепил гладкий корпус пальцами и перевернул смартфон экраном вниз на холодный камень.

Щелчок стекла о кварц прозвучал сухо, как выстрел в пустой комнате.

Он даже не сбился с мысли.

— В общем, график жесткий, — продолжил он, отправляя в рот кусочек мяса. — До четверга нужно закрыть хвосты по текущим отчетам, а в пятницу в одиннадцать утра у меня борт из Шереметьево. Вещи соберу сам в четверг вечером, тебя дергать не буду, ты и так в своей «ФинСфере» горишь.

Он жевал. Смотрел на меня открыто, спокойно, с мягкой супружеской нежностью.

А у меня внутри, натянулась тонкая ледяная струна.

Он никогда не переворачивал телефон. Все пять лет брака его аппарат валялся где попало — на прикроватной тумбоч-

ке, на диване, на консоли в прихожей. Он мог оставить его на кухне и уйти в душ на сорок минут. Мы знали пин-коды друг друга не потому, что проверяли переписки, а потому что это было удобно: переключить трек в машине, ответить курьеру, скинуть рецепт. Нам нечего было прятать.

Теперь черный прямоугольник лежал глухой матовой крышкой вверх.

«Спроси, — шепнул внутренний голос. — Просто спроси прямо сейчас: кто пишет в девять вечера, Стас?»

Слова уже подошли к губам. Я почувствовала их вкус — железный, тяжелый.

Но если я спрошу, вечер рассыплется.

Исчезнет идеальный стейк, дорогое вино, мягкий свет над островом и пять лет предсказуемой, выстроенной до миллиметра гармонии. Начнется неловкость. Начнется выяснение отношений из-за перевернутого экрана и запаха в лифте. Он назовет меня мнительной. Улыбнется, поцелует в висок, скажет, что это рабочий чат логистов, где китайцы не спят из-за разницы во времени. И я останусь дурой, которая испортила мужу ужин перед тяжелой командировкой.

Я не хотела быть мнительной дурой. Я была Алиной Измайловой — ведущим консультантом департамента управленческого контроля, женщиной с холодной головой и железным самообладанием.

— Хорошо, — спокойно сказала я, беря нож и вилку. — Рубашки из химчистки я забрала сегодня утром. Они в гар-

деробной, в чехлах.

Стас благодарно кивнул, потянулся через стол и сжал мои пальцы:

— Что бы я без тебя делал.

Мы доужинали в спокойной, уютной беседе. Обсудили осеннюю слякоть, повышение тарифов на парковку, здоровье его матери в Твери и проект регламента, над которым я сидела последнюю неделю. Все было как всегда. Идеально. Безупречно.

Около одиннадцати Стас ушел в ванную. За закрытой дверью зашумела вода, загремели стеклянные баночки на полке.

Я осталась на кухне одна.

Посудомоечная машина тихо урчала, выполняя короткий цикл мойки. Я вытерла насухо серый кварц столешницы, сполоснула бокалы, убрала остатки розмарина в холодильник. Кухня снова выглядела стерильной, как операционная или страница каталога элитной недвижимости. Ни одной лишней детали. Ни единой пылинки.

Мой телефон, лежавший на барной стойке, коротко завибрировал.

Один раз. Затем второй.

Я подошла, вытирая руки полотенцем, и нажала на боковую клавишу.

На черном экране висело уведомление из мессенджера.

Светлана Макарова.

Моя школьная подруга. Мы учились в одном классе, по-

том вместе уехали поступать в Москву, но жизнь развела: она ушла в дизайн интерьеров, вышла замуж за ресторатора, вращалась в богемных кругах и писала мне раз в два месяца — обычно чтобы позвать на выставку или спросить контакт проверенного налогового юриста.

Время на часах показывало 23:14.

Света никогда не писала ночью.

Я разблокировала экран.

В чате висело три коротких сообщения, отправленных с интервалом в несколько секунд:

«Аля, ты спишь?»

«Мне нужно тебе кое-что показать. Это очень важно».

«Только обещай, что помотришь одна. Не при Стасе».

Следом крутился серый кружок загрузки видеофайла. Двенадцать мегабайт.

В ванной смолкла вода. Щелкнула ручка двери, и в коридор вывалился клуб влажного пара, пахнувшего можжевельным гелем для душа.

— Аль, ты полотенце свежее не вешала? — крикнул Стас из глубины коридора.

Я стояла посреди кухни, глядя на экран, где полоска загрузки медленно заполнялась синим. Пальцы, сжимавшие телефон, стали абсолютно ледяными. Холод медленно, толчками пополз вверх по шее, затягивая затылок тугим, мерзлым обручем.

— На средней полке, Стас, — ответила я.

Мой голос прозвучал удивительно ровно. Без единой дрогнувшей ноты.

Загрузка завершилась. На экране застыл первый темный кадр — смазанный свет неоновых ламп, угол барной стойки и размытые силуэты.

Я не нажала кнопку воспроизведения. Я медленно заблокировала экран, опустила телефон в карман домашних брюк и шагнула в темный коридор навстречу мужу.

Глава 2

Алина

Стас ушел в семь сорок пять утра.

Он встал по первому звонку будильника, привычно поцеловал меня в висок, пока я делала вид, что еще дремлю, лицом к стене, и тихо прошел в гардеробную. Я слышала каждый знакомый до миллиметра звук: сухое шуршание расстегиваемой молнии чехла, щелчки деревянных плечиков о металлическую штангу, глухой металлический стук пряжки ремня. На кухне зашипела и заурчала автоматическая кофемашина. Запахло свежемолотой арабикой и поджаренным хлебом.

Он позавтракал в одиночестве, сполоснул за собой чашку — Стас терпеть не мог грязной посуды в раковине — и заглянул в спальню уже в пальто.

— Аль, я побежал. На Новой Риге пробка на развязке, надо успеть до девяти. Ты сегодня во сколько освободишься?

Я заставила себя повернуться, приподняться на локте и посмотреть на него сквозь утренний рассеянный полумрак. Он стоял в дверном проеме: гладко выбритый, свежий, пахнущий дорогим одеколоном и утренним холодным воздухом. Красивый. Мой законный муж.

— Как обычно, — мой голос прозвучал хрипловато от долгого молчания, но вполне естественно для только что

проснувшегося человека. — Около семи.

— Отлично. Поужинаем вместе. Закажу что-нибудь легкое, если не захочешь готовить.

Он послал мне короткую, теплую улыбку одними губами, коснулся двумя пальцами полей воображаемой шляпы — старая шутка, оставшаяся с первых месяцев нашего знакомства, — и закрыл дверь.

Щелкнул замок. Стих гул лифта в шахте за стеной.

В квартире наступила звенящая, абсолютная пустота.

Я села на постели. Простыни под пальцами казались ледяными, хотя термостат в спальне держал стандартные двадцать два градуса. Телефон лежал на тумбочке — черным экраном вверх. Ночью я положила его туда в темноте, не глядя, пока Стас укладывался рядом и обнимал меня за талию, прижимаясь теплым плечом к моим лопаткам. Я пролежала без сна шесть часов, глядя, как серый прямоугольник окна медленно светлеет, превращаясь из черного в мутно-белый.

Я взяла трубку.

Пальцы были жесткими, негнушимися, словно я только что пришла с тридцатиградусного мороза. Сняла блокировку по отпечатку.

Мессенджер открылся сразу. Диалог со Светланой. Три вчерашних сообщения и серый кружок скачанного двенадцатимегабайтного файла.

«Только обещай, что посмотришь одна».

Я поднялась, накинула тяжелый шерстяной кардиган, туго

стянула пояс на талии и прошла на кухню. Села на тот самый барный стул, где еще вчера вечером сидел Стас, аккуратно положила телефон перед собой на гладкий кварц острова и нажала кнопку воспроизведения.

Картинка дернулась.

Звука почти не было — только глухой, утробный гул клубных басов, смазанный микрофоном смартфона, и звон стеклянной посуды. Запись велась исподтишка, судя по ракурсу — от углового столика или из-за декоративной перегородки. Камера покачивалась, ловя резкость.

Полутемный зал. Неоновая фиолетовая подсветка по периметру барной стойки. Матовые стеклянные панели, зеркала, отражающие мерцание свечей в тяжелых граненых стаканах.

В центре кадра сидел мужчина.

Спиной и вполоборота к снимавшему. Темно-серый приталенный пиджак, белая рубашка с расстегнутым воротом. На левом запястье блеснул массивный стальной браслет хронографа с синим циферблатом — швейцарская механика, которую я подарила ему на тридцатитрехлетие, лично выбрав гравировку на задней крышке.

Он повернул голову к своей спутнице.

Свет неоновой ленты упал прямо на его профиль. Четкая линия челюсти, прямая переносица, ямочка на подбородке, когда он улыбался. Стас. Ошибиться было невозможно. Никакой двойник, никакой похожий незнакомец. Мой муж.

Рядом с ним на высоком кожаном диване сидела женщина.

Молодая, тонкая, с гладкими темными волосами, рассыпанными по плечам, в изумрудно-зеленом шелковом топе на тонких бретелях. Она что-то говорила ему, смеясь, запрокидывая голову, держа в пальцах бокал на длинной ножке.

Стас смотрел на нее.

Не так, как смотрят на коллег по работе. Не так, как смотрят на клиенток или знакомых. Он смотрел на нее с той тягучей, ленивой, абсолютно уверенной хозяйской нежностью, с которой когда-то в первый год брака смотрел на меня через столик в веронской траттории.

Потом его рука поднялась.

Он не просто коснулся ее. Его пальцы легли ей на затылок, медленно зарылись в темные волосы у шеи, притягивая к себе. Женщина подалась навстречу легко, без тени сомнения, словно этот жест повторялся сотни раз до сегодняшней ночи.

Их губы сошлись.

Это не был пьяный, смазанный поцелуй, который можно было бы списать на избыток текилы или случайный дурацкий импульс на корпоративе. Долгий. Глубокий. Привычный. Женщина прикрыла глаза, ее свободная рука легла Стасу на бедро, сминая ткань брюк, пальцы сжались. Он поцеловал ее, потом медленно отстранился на пару сантиметров, что-то прошептал ей в самые губы, и она снова тихо рассме-

ялась, уткнувшись носом в его щеку — ровно туда, где пахло терпким ветивером и сухим табаком.

Видео оборвалось на пятнадцатой секунде. Экран потемнел.

Я не закричала.

В фильмах женщины в такие моменты роняют телефоны, закрывают лицо руками или сползают по стенке в истерике. Ничего этого не произошло. Воздух просто стал густым и вязким, как застывающая смола. В затылке вспыхнул сухой, колющий холод, который тонкими иглами разошелся вниз по позвоночнику до самых лопаток. Желудок свело тяжелым, тошнотворным спазмом, словно я проглотила горсть мелко-го речного гравия.

Я положила ладони на столешницу. Пальцы мелко, противно вибрировали.

«Дыши, — приказала я себе. Голос внутри прозвучал чужим, стерильным тоном старшего аудитора. — Вдох на четыре счета. Выдох на шесть. Баланс не сходится, но паника не меняет цифры».

Я подняла руку, остановила дрожь, сжав кулак до боли от врезавшихся в кожу ногтей, и снова нажала на экран.

Эмоции нужно было выключить. Прямо сейчас. Иначе они сожрут меня до того, как я пойму, с чем имею дело.

Я открыла видеоплеер, перевела воспроизведение в покадровый режим и сделала первый стоп-кадр на второй секунде.

Где это снято?

На заднем плане, над плечом бармена в черной жилетке, на мгновение промелькнула латунная табличка с логотипом. Буквы были не в фокусе, но характерный курсив и геометрию круга я узнала: бар «Крыша» на двадцать втором этаже бизнес-центра на Садовом. Дорогое, закрытое место с отдельным панорамным залом для частных броней. От нашего дома — пятнадцать минут на такси. От его автосалона — двадцать пять.

Второй стоп-кадр. Четвертая секунда.

На столе перед Стасом стоял низкий стакан с виски и плоская керамическая пепельница. Рядом лежал его телефон. Тот самый черный смартфон, который вчера вечером лежал на этом кварцевом острове. Но на экране блокировки вспыхнуло уведомление с крупными цифрами часов.

Я приблизила изображение двумя пальцами, растягивая пиксели до зернистости.

Двадцать три сорок семь.

А день недели?

Под часами тонкой серой строчкой читалось: четверг.

Прошлый четверг.

В прошлый четверг Стас звонил мне в одиннадцать вечера. Я сидела в гостиной с годовым отчетом по фармацевтическому дистрибьютору, когда раздался звонок. В трубке фоном шумели машины и редкие гудки. Он сказал: «Аль, я еще на таможенном терминале в Домодедово. Застряла пар-

тия запчастей, брокеры тупят с декларациями, буду разбираться до ночи. Ложись спать, не жди меня, милая».

Я пожелала ему сил, сказала, что оставила ужин в холодильнике, и уснула около полуночи с мыслью о том, как тяжело ему даются эти поставки.

Он пришел в два часа ночи. Тихо разделся в прихожей, принял душ, лег рядом, обнял и выдохнул в мою макушку: «Все закрыли, родная. Спи».

Значит, не таможенный терминал.

Бар на Садовом. Виски со льдом. И чужие тонкие пальцы на его бедре.

Я сдвинула ползунок на седьмую секунду и приблизила лицо женщины.

Ракурс был не идеальным, но когда она запрокинула голову, свет неоновой ленты очертил ее черты достаточно четко: прямой короткий нос, четко очерченные скулы, пухлые губы с темным ягодным блеском, аккуратный боб с косым пробором. Ей было не больше двадцати семи. Молодая, холеная, знающая себе цену.

Где я ее видела?

Память сработала мгновенно, подтянув ассоциативный ряд. Три месяца назад Стас принес домой юбилейный буклет к десятилетию «Престиж-Авто». Глянцевое корпоративное издание на мелованной бумаге, фотографии отделов, руководства, лучших сотрудников года. Стас показывал мне страницы за ужином, хвастаясь динамикой продаж.

Отдел маркетинга и специальных мероприятий.

Коллективное фото на фоне нового шоу-рума. В первом ряду, чуть сбоку от коммерческого директора, стояла эта же девушка в строгом графитовом жакете. Подпись под фото: *Яна Сомова, ведущий менеджер по маркетингу и клиентским программам.*

Яна.

Не случайная девица из бара, которую он подцепил на одну ночь после сложного совещания.

Его подчиненная. Девушка, которая работает с ним в одном здании, ходит по тем же коридорам, сидит на планерках по понедельникам и согласует с ним бюджеты.

В кармане кардигана завибрировал телефон.

Длинный, настойчивый вызов.

Я опустила взгляд. На экране высветилось имя: *Светлана.*

Горло сдавило ледяным кольцом. Я медленно нажала кнопку «сохранить в медиатеку», затем открыла почту и переслала исходный файл на свой личный зашифрованный диск в облаке, доступ к которому был только у меня по сложному шестнадцатизначному паролю. После этого удалила исходящее письмо из отправленных и очистила корзину почтового ящика.

Улика должна быть сохранена в исходном качестве. Без возможности случайного удаления.

Телефон продолжал надрываться. Света не собиралась отступать.

Я провела пальцем по зеленой трубке и поднесла аппарат к уху:

— Да, Света.

— Аля! — голос подруги ворвался в трубку с той особой, наэлектризованной интонацией катастрофы, которая бывает у людей, принесших дурную весть и жаждущих увидеть чужие слезы. — Ты видела?! Ты посмотрела?! Господи, я всю ночь не спала, меня буквально трясло! Я не знала, отправлять тебе или нет, но я же не могла промолчать, ты же моя подруга!

Она говорила захлебываясь, почти без пауз, жадно вслушиваясь в мое дыхание.

— Видела, — мой голос прозвучал сухо и ровно. Так я зачитывала аудиторские замечания совету директоров, когда мы находили вывод средств через подставные ИП.

В трубке повисла короткая, растерянная пауза. Света явно ждала рыданий, криков «Этого не может быть!» или бессвязных расспросов.

— И... и что ты молчишь? — в ее голосе прорезалось недоумение. — Аля, это же Стас! Твой Стас! С какой-то сопливой девкой прямо посреди зала! У меня руки ходуном ходили, когда мне это скинули!

— Кто тебе это прислал, Света? — тихо спросила я, глядя в окно на серые московские крыши.

— Какая разница, кто?! — мгновенно взвилась она. — Знакомая одна скинула, она там сидела за соседним столи-

ком! Увидела, офигела, записала и мне переслала, потому что знает, что мы общаемся! Ты понимаешь, что он творит?! Ты с ним уже говорила? Ты устроила ему?

Она хотела драмы. Ей нужно было подробное, сочное описание семейного апокалипсиса: крики, летающие тарелки, признания, слезы. Ей нужно было стать центром этой катастрофы — спасительницей, открывшей глаза слепой жене.

— Стас уехал на работу, — ответила я, обходя кухонный остров и подходя к раковине. — Я увидела сообщение только утром.

— И что ты будешь делать?! Ты подашь на развод? Аля, ты не вздумай это проглотить! Я знаю этих мужиков, если он один раз полез по барам с малолетками, он никогда не остановится! Хочешь, я приеду прямо сейчас? Возьму такси, отпрошусь из студии, посидим, выпьем, решим, что делать?

— Не надо приезжать, Света.

Слова упали тяжело и твердо. Без злобы, но так, что на том конце провода снова наступила тишина.

— В смысле... не надо? — протянула подруга обиженно. — Я вообще-то за тебя переживаю.

— Я ценю это, — я сделала глубокий, размеренный вдох. — Но мне нужно собраться на работу. У меня сегодня аудит и встреча с управляющим партнером в десять утра.

— Какая работа, Аля?! У тебя муж с шалавой по барам целуется, а ты про работу?!

— Моя работа, Света. Она никуда не делась. Мне нужно

время подумать. Спокойно, без свидетелей. Пожалуйста, не звони мне до вечера. И никому не пересылай это видео. Договорились?

— Ну... ладно, — в голосе Светланы отчетливо слышалось разочарование человека, перед носом которого захлопнули дверь бесплатного цирка. — Если что — я на связи. Ты держись там.

— Спасибо.

Я сбросила вызов первой.

Экран погас. На кухне снова стало тихо.

В ушах звенело. Тошнота подступила ближе, к самому горлу, горячей кислой волной. Я подошла к раковине, открыла кран с холодной водой, оперлась ладонями о металлический борт и опустила голову. Ледяная струя шумела, разбиваясь о нержавеющую сталь.

Хотелось выть. Схватить стеклянный графин со стола и со всей силы швырнуть его в серый кварцевый фартук, чтобы осколки брызнули по стенам, чтобы идеальный порядок разлетелся к чертовой матери, как разлетелись мои пять лет жизни.

Пять лет.

Мы выбирали эту квартиру вместе. Мы спорили из-за оттенка краски для спальни. Мы ездили в Тоскану, пили кьянти на террасе, говорили о том, что через пару лет, когда он закроет расширение сети, мы наконец подумаем о ребенке. Он целовал мои ладони, когда я простужалась, укрывал пле-

дом, варил куриный бульон. Он был внимательным. Надежным. Моим.

А в прошлый четверг он держал за затылок Яну Сомову и целовал ее в губы на двадцать втором этаже на Садовом, пока я проверяла чужие проводки.

«Хватит, — приказала я себе, зачерпнув ледяной воды и плеснув себе в лицо. — Хватит, Измайлова».

Вода обожгла кожу холодом. Капли потекли по подбородку, закапали на воротник кардигана. Я выпрямилась, вытерла лицо жестким вафельным полотенцем и посмотрела в зеркало над консолью в прихожей.

Бледная женщина тридцати двух лет. Темные волосы, собранные в гладкий узел. Ровный контур губ. Глаза сухие, зрачки расширены, но взгляд прямой и жесткий. Никаких слез. Слезы не меняют фактов.

Факты были простыми и жестокими: мой муж мне изменяет. Это не сплетня, не догадка и не подозрение. Это документированный факт.

Но это был только первый факт.

Сколько это длится? Почему Яна? Что еще он скрывает за фасадом идеального брака и успешной карьеры?

Звонить ему прямо сейчас, орать в трубку, требовать объяснений, пока он стоит в пробке на Новой Риге — глупо. Он уйдет в глухую защиту, начнет врать, изворачиваться, уничтожит переписки, удалит счета, закроет доступ ко всему, до чего я могла бы дотянуться. Опытный манипулятор всегда

выигрывает на короткой эмоциональной дистанции, если у тебя на руках всего одна улика.

Мне нужно было больше данных.

Я прошла в гардеробную. Сняла домашнюю одежду, надела темно-серый шерстяной брючный костюм, белую шелковую блузку с глухим воротником. Застегнула мелкие перламутровые пуговицы до самой ключицы — броня, закрывающая горло. Нанесла легкий тон, тронула ресницы тушью, накрасила губы нейтральной матовой помадой.

Внешне я выглядела безупречно. Ведущий консультант департамента управления рисками и внутреннего контроля «ФинСфера Консалт». Человек, которого невозможно выбить из колеи.

Я открыла рабочий ноутбук, зашла в корпоративный календарь и нашла встречу на одиннадцать утра — рутинный статус-митинг по методологии скоринга с младшими аналитиками. Нажала «перенести на четверг», указав стандартную причину: «занятость на клиентском запросе».

Все остальные встречи остались в силе. Мой рабочий день должен был пройти по расписанию. Выпасть из профессии, закрыться дома и страдать означало отдать ему контроль над моей жизнью. Этого он не получит.

Я закрыла ноутбук, убрала его в кожаную сумку, взяла ключи от машины и вышла из квартиры.

В лифте пахло свежей краской и чужим парфюмом. Я спустилась на подземную парковку, села за руль своего серого

седана, завела двигатель и положила руки на руль.

Впереди был обычный рабочий вторник. Восемь часов цифр, регламентов, чужих дефектов контроля и переговоров.

А вечером Стас вернется домой.

Он придет в восемь вечера, снимет пальто, поцелует меня в шею и спросит, как прошел день. И я посмотрю ему в глаза и положу перед ним этот телефон.

Я включила передачу, сняла машину с ручника и выехала из темного паркинга навстречу холодному октябрьскому утру.

Глава 3

Алина

Октябрьский дождь хлестал в панорамные окна гостиной с монотонным, глухим шорохом.

На шестнадцатом этаже этот звук всегда казался громче, чем внизу: капли разбивались о толстый триплекс, расплывались длинными мутными полосами и смывали желтые огни проспекта в сплошное дрожащее месиво. В квартире было темно. Я не стала зажигать потолочные споты, оставив только узкую полосу скрытой подсветки под навесными шкафами на кухне. Слабый матовый свет едва доставал до серого кварцевого острова, выхватывая из полумрака два предмета: граненый стакан с ледяной водой и мой телефон.

Ни стейков. Ни открытого тосканского вина. Ни льняных салфеток.

Идеальный дом закончился сегодня в восемь утра.

Я сидела на высоком барном стуле, не снимая офисных темно-серых брюк. Жакет я бросила в спальне, шелковые рукава белой блузки закатала до локтей. Кожа на предплечьях была гусиной от сквозняка из микропроветривания, но холода я почти не чувствовала. Внутри меня всё выгорело до ровной, серой, неподвижной золы.

Электронный замок на входной двери пискнул ровно в восемь пятнадцать.

Два коротких тональных сигнала. Мягкий щелчок языка.

Стас вошел неслышно, по-хозяйски, принеся с собой из подъезда запах мокрого кашемира, сырого асфальта и того же въедливого, холодного одеколона с нотами табака.

— Аль? — позвал он из прихожей, разуваясь. — Ты чего в темноте сидишь? Свет выбило?

Шуршание расстегиваемой молнии чехла для обуви. Глухой стук деревянных плечиков в гардеробном шкафу. Он не торопился. День генерального директора подошел к концу, впереди был теплый вечер, уютная жена и сытный ужин.

Я не ответила. Просто сидела, глядя на темный экран своего телефона.

Стас прошел на кухню через пару минут. Без пиджака, в светло-голубой рубашке, расстегнутой на две пуговицы у ключицы, с закатанными манжетами. На левом запястье тускло блеснул массивный стальной хронограф с синим циферблатом. Тот самый.

Он подошел ко мне сзади с привычной, ленивой уверенностью мужчины, который возвращается на свою законную территорию. Положил руки мне на плечи, наклонился, чтобы поцеловать в шею.

Я не дернулась. Просто подняла ладонь и уперлась пальцами ему в грудь — жестко, между третьей и четвертой пуговицами рубашки.

Ткань под моими пальцами была теплой. Под ней мерно

и спокойно билось его сердце.

Стас замер. Его руки остались на моих плечах, но пальцы чуть напряглись.

— Так, — произнес он, и в его хриловатом голосе проскользнула мягкая, снисходительная усмешка. — Кажется, на работе сегодня был очень плохой день. Кто испортил настроение моему главному аудитору? Партнеры опять тянут с согласованием отчета?

— Сними руки, Стас.

Я произнесла это тихо. Без нажима. Без крика. Но в пустой кухне мой голос прозвучал как скрежет ножа по стеклу.

Он помедлил секунду, словно взвешивая, стоит ли перевести всё в шутку, затем послушно убрал ладони, обошел остров и встал напротив меня. Оперся кулаками о кварцевую столешницу, слегка наклонив корпус вперед. Красивый. Уверенный. Глаза ясные, лоб гладкий, ни тени тревоги.

— Аля, что происходит? — спросил он мягко, почти заботливо. — Ты какая-то натянутая со вчерашнего вечера. Мы можем нормально поговорить?

Вместо ответа я взяла телефон.

Разблокировала экран. Пальцы были сухими и холодными, но не дрожали — адреналиновый тремор ушел еще днем, во время совещания по регламентам рисков. Я открыла зашифрованное облако, нашла файл и положила аппарат на кварц, повернув экраном к нему.

— Посмотри.

Стас бросил быстрый, скользящий взгляд на черный прямоугольник.

— Что это? Очередная презентация?..

— Нажми на воспроизведение.

Он чуть приподнял бровь, недоуменно усмехнулся одними уголками губ, но протянул руку и коснулся экрана.

Видео пошло.

В тишине кухни глухо зазвучал наложенный гул клубных басов из динамика смартфона. Звон стекла. Полутемный зал. Неоновая фиолетовая подсветка бара «Крыша» на Садовом.

Я неотрывно смотрела на его лицо.

Я ждала этого момента двенадцать часов. Прокручивала в голове десятки вариантов: он побледнеет, схватится за воротник, закричит, начнет сбивчиво оправдываться, уронит телефон.

Ничего подобного не произошло.

Стас Артемьев был слишком опытным переговорщиком. Он выбивал скидки из поставщиков и защищал раздутые сметы перед жесткими советами директоров.

Его зрачки на долю секунды сузились, когда в кадре появился его профиль и пальцы, зарывающиеся в темные волосы девушки. Желваки на челюсти едва заметно обозначились — всего на полмиллиметра — и тут же опали. Дыхание не сбилось. Он досмотрел все пятнадцать секунд, не отрывая взгляда от экрана, до самого затемнения.

Потом медленно выпрямился.

Опустил руки в карманы брюк, отвел глаза от телефона и посмотрел в темное окно, за которым хлестал дождь.

Молчание длилось секунд десять. Тяжелое, вязкое, давящее на уши.

— Где ты это взяла? — спросил он наконец.

Тон был абсолютно ровным. Не испуганным, не виноватым. Деловым. Так спрашивают о происхождении сомнительной накладной от непроверенного субподрядчика.

Горло обожгло горечью.

— Это всё, что тебя интересует? — спросила я, чувствуя, как ледяная струна внутри натягивается до предела. — Где я это взяла?

Стас вздохнул. Долгий, усталый вздох взрослого человека, которому приходится объяснять капризному ребенку очевидные и скучные вещи. Он подошел к холодильнику, достал графин с фильтрованной водой, налил себе полстакана и сделал медленный глоток.

— Аля, давай включим голову, — сказал он, повернувшись ко мне и прислонившись бедром к кухонному модулю. — Ты взрослый, умный человек. Ты работаешь с информацией и прекрасно знаешь, как строятся манипуляции. Тебе присылают обрывок видеозаписи сомнительного качества, снятый непонятно кем, непонятно когда, из-под стола. И ты устраиваешь трагедию на пустом месте?

Я медленно перевела дыхание.

Воздух в комнате словно превратился в мелкое битое стекло.

— Прошлый четверг, — произнесла я. — Двадцать три сорок семь. Бар «Крыша». Ты сказал мне, что застрял на таможенном терминале в Домодедово с партией запчастей. Ты пришел домой в два часа ночи и лег со мной в постель.

Стас не моргнул.

Он поставил стакан на столешницу. Звук стекла о камень прозвучал мягко, почти уютно.

— Я был на таможне, Аля, — спокойно ответил он. — До девяти вечера. Мы растаможили три фуры из пяти, брокеры уперлись рогом, и вопрос нужно было закрывать неформально. Мы поехали в город. С нами был коммерческий директор терминала, его зам и наша рабочая группа. В том числе маркетинговый блок, потому что эти машины шли под запуск новой клиентской программы.

Он сделал шаг ко мне. Его лицо выражало искреннее, глубокое сожаление — то самое выражение, с которым он успокаивал клиентов, недовольных задержкой поставки премиальных внедорожников.

— Да, мы поехали в «Крышу», — продолжал он мягко. — Потому что этот чертов брокер потребовал нормальный стол и виски. Мы сидели там четыре часа. Все были на взводе, все выпили. Было шумно, играла музыка. Яна... она эмоциональная девочка, у нее горел проект, она весь вечер держалась из-за согласования бюджета. В какой-то момент она

начала психовать, расплакалась. Я попытался ее успокоить. Сказал, что мы всё решим и я прикрою ее перед советом директоров.

Он развел руками:

— Всё.

Я смотрела на него и физически чувствовала, как почва под ногами начинает плыть.

Ложь была великолепной.

Она не противоречила фактам. Он не отрицал, что был там. Он встроил видео в правдоподобный рабочий контекст: тяжелые переговоры, таможня, пьяный брокер, нервная подчиненная, благородный начальник, спасающий ситуацию.

Если бы на моем месте была другая женщина — менее внимательная, более уставшая, отчаянно цепляющаяся за иллюзию благополучной семьи, — она бы ухватилась за эту соломинку. Она бы поверила. Потому что верить в это было в тысячу раз легче, чем признать, что пять лет твоей жизни растоптаны чужими грязными ногами.

— Ты держал ее за затылок, Стас, — мой голос оставался ровным, но ногти впились в ладони до тупой боли. — Ты целовал ее в губы. Долго. Не в щеку в знак поддержки. Ты целовал свою подчиненную, а ее рука лежала на твоем бедре.

Лицо Стаса слегка потемнело.

В его взгляде впервые промелькнуло глухое, опасное раздражение — не злость виноватого, а досада взрослого мужчины, чье терпение испытывают глупыми придирами.

— Ракурс, Алина, — бросил он, качнув головой. — Камера стояла сзади и сбоку. В полумраке, при таком свете, любое движение головы выглядит как поцелуй. Я наклонился к ее уху, потому что там орали колонки! Ты когда-нибудь была в баре с живым звуком? Там собственного голоса не слышно, если не кричать прямо в ухо!

Он шагнул вплотную к острову, навис надо мной.

Его голос стал ниже, проникновеннее, в нем зазвучали бархатные, обволакивающие нотки:

— Послушай меня. Кто тебе это прислал? Света?

Я промолчала.

— Конечно, Света, — он криво усмехнулся, и в этой усмешке было столько ядовитого презрения, что мне стало тошно. — Твоя вечно неудовлетворенная подружка, чей муж-ресторатор меняет любовниц каждые полгода и в открытую водит их по собственным заведениям. Света с института тебе завидовала, Аль. Завидовала, что у нас всё ровно. Что я не пью до пороссячьего визга, не спускаю деньги в казино, не устраиваю сцен. Ей кто-то скинул эту мутную нарезку, и она тут же прибежала к тебе с горящими глазами, да? Чтобы размазать тебя? Чтобы затащить в свое болото?

Он протянул руку и попытался коснуться моих волос у виска.

Я резко отклонила голову назад. Его пальцы замерли в воздухе.

Стас медленно опустил ладонь. Выражение его лица из-

менилось. Теперь это была холодная, расчетливая печаль.

— Ты переутомилась, Аля.

Слова упали веско, свинцово.

— Ты последние полгода горишь на своих проектах в «ФинСфере». Сидишь ночами над чужими отчетами, ищешь скрытые проводки, выискиваешь обман там, где его нет. У тебя профдеформация, родная. Ты привыкла видеть во всех воров и мошенников. А теперь ты перенесла это на наш дом. Ты ищешь предательство в каждом шорохе, в каждом перевернутом телефоне. Ты веришь чужой завистливой сплетне больше, чем собственному мужу, с которым прожила пять лет!

Я смотрела на него, и в груди поднималась тяжелая, душная волна.

Классический газлайтинг.

Он не просто защищался. Он переопределял реальность. В его версии события выглядели так: не он целовался с любовницей в ночном баре, а я — параноик с профессиональной деформацией, разрушающая идеальный брак из-за зависти подруги. Это со мной что-то не так. Это я «переутомилась». Это я «придумываю».

Если бы я начала кричать, плакать, требовать поклясться здоровьем матери или показать переписку в телефоне — я бы проиграла.

Он бы обнял меня, убаюкал ласковыми словами, принес чай с мятой, уложил в постель, а утром уехал бы на работу с

чувством выполненного долга. А в пятницу улетел бы в свою пятинедельную командировку в Азию, оставив меня одну в этой стерильной квартире медленно сходить с ума от сомнений.

«Нет, — сказала я себе. — Хватит».

Я не сошла с ума.

Я видела его пальцы на затылке Сомовой. Я видела ее пальцы на его бедре. Я видела его лицо. Никакой ракурс не способен симитировать эту тягучую, животную нежность.

Спорить с ним словами было бесполезно. В словесной дуэли он всегда будет сильнее, потому что для него слова — это просто инструмент манипуляции, не имеющий веса и цены. Он перевернет любую фразу, найдет любое оправдание, обвинит меня в истеричности и выйдет победителем.

Значит, разговора не будет.

Я медленно протянула руку, взяла со столешницы свой телефон, заблокировала экран и убрала аппарат в карман брюк.

— Ты куда? — нахмурился Стас, следя за моим движением.

Я поднялась с барного стула. Ступни в мягких домашних туфлях коснулись холодного паркета.

— В спальню.

— Аля, мы не договорили, — его голос стал жестче. В нем прорезались властные нотки топ-менеджера, привыкшего ставить точку в совещании по собственному желанию. —

Нельзя просто так швырнуть обвинение в лицо, устроить бойкот и уйти. Давай сядем и разберемся. Если тебе нужно, чтобы я меньше общался с Яной по маркетингу — ради бога, я переведу ее проекты на коммерческого директора. Если тебе не нравится, что я задерживаюсь — я буду звонить чаще. Но прекрати вести себя как обиженный подросток.

Он искренне верил, что всё держит под контролем.

Он уже торговался. Предлагал косметические уступки, чтобы замять скандал до своего отъезда.

Я остановилась в двух шагах от него. Посмотрела ему прямо в глаза — снизу вверх, спокойно, без слез и без гнева.

— Мы договорили, Стас.

— В смысле?

— Я услышала твою версию, — ответила я ровно. — Про таможеню. Про пьяного брокера. Про расплакавшуюся подчиненную и плохой ракурс. Я всё услышала.

— И? — он прищурился.

— И я не стану с тобой спорить.

В его взгляде мелькнуло искреннее, неподдельное замешательство. Похоже, он ждал контратаки — слез, криков, возможности снова разбить мои эмоции своей выверенной логикой.

Но когда стена не отвечает на удар, бьющий теряет равновесие.

— Что это значит? — спросил он глуше.

— Это значит, что тема закрыта, — я повернулась в сто-

рону коридора. — Ужина нет. Закажи себе доставку, если голоден.

— Аля, перестань, — он сделал шаг за мной, но не посмел схватить за руку. — Мне в пятницу улетать в Шанхай. На пять недель! Ты серьезно хочешь, чтобы мы провели эти два дня в гробовом молчании из-за ерунды?

Я остановилась у входа в спальню и оглянулась через плечо.

Он стоял посреди кухни — высокий, красивый мужчина в дорогой рубашке, хозяин этой жизни, искренне уверенный, что любую проблему можно решить правильной интонацией и уверенным напором.

— Да, Стас, — сказала я тихо. — Ты улетаешь в пятницу. Это отличная новость.

Я зашла в спальню и закрыла за собой дверь.

Замок мягко щелкнул. Я не стала закрываться на ключ — это выглядело бы как дешевая демонстрация слабости.

В комнате было темно и прохладно. Дождь за стеклом продолжал бить по карнизу.

Я подошла к шкафу, достала чистое постельное белье — плотный темно-синий сатин, запасную подушку и шерстяной плед. Вынесла всё это в гостевую комнату в конце коридора.

Стас стоял у окна гостиной со стаканом воды в руке, глядя на проспект. Когда я прошла мимо него с подушкой в руках, он даже не повернулся. Только плечи его напряглись. Он выбрал тактику выжидания: решил, что я перебешусь, пере-

ночью отдельно, а завтра к вечеру остыну и сама приду мириться. Для него это была просто семейная ссора, которую можно «пересидеть».

Пусть думает так.

Я застелила диван в гостевой. Закрыла тяжелые блэкаут-шторы, отрезая свет уличных фонарей.

Села на край матраса.

В темноте комната казалась чужой, как номер в безликой гостинице. Но внутри у меня больше не было страха. Исчезла липкая, тошнотворная паника, которая душила меня с самого утра.

Он вел себя так, будто переиграл меня словами.

Но я была не просто обманутой женой. Я была Алиной Измайловой. Женщиной, которая семь лет проверяла чужие бизнесы и знала главное правило любой махинации: мошенник всегда врет ртом, но никогда не может заставить замолчать материальные следы.

Если он врет про ресторан — он врет и про остальное.

Я не стану ломать его пароли. Не стану лезть в его телефон или рабочую почту — это незаконно, грязно и делает улики уязвимыми.

Но у меня был законный доступ к нашему дому. К нашим общим счетам. К коробкам с семейными чеками, гарантийными талонами и командировочными расходами, которые он сбрасывал на нижнюю полку моего стеллажа, чтобы я раз в полгода подбивала налоговые вычеты.

Завтра он уедет на работу.

И я проверю не его слова. Я проверю его следы.

Глава 4

Алина

Утро среды началось без звука кофемашины.

Стас уехал до семи. На кухонном острове не осталось ни крошки, ни остывшей чашки, только легкий след сквозняка из приоткинутой балконной двери и запроващенная гостевая постель позади меня. Он не стал стучать в мою дверь, не оставил записки на холодильнике и не прислал дежурного сообщения с пожеланием хорошего дня.

Он выбрал режим осады: холодная вежливость, демонстративная дистанция и ожидание, пока у жены пройдет «приступ мнительности».

Я встала с жесткого дивана гостевой комнаты. Спина затекла — этот диван покупался пять лет назад для редких ночевок родственников и никогда не предназначался для долгого сна. В суставах плеч сидела глухая, ноющая тяжесть, во рту стоял кислый привкус невыпитой с вечера воды. За окном висел плотный, сырой туман, скрывавший шпили соседних высоток; Москва казалась выцветшей серой фотографией, залитой жидким молоком.

Я заварила крепкий черный чай, бросив в чашку две сухие гвоздики, и села за свой рабочий стол в углу спальни.

Пить было горячо. Я держала кружку обеими ладонями, чувствуя, как тепло сквозь толстую керамику медленно воз-

вращает чувствительность пальцам.

Паника — худший союзник аудитора. Когда на проекте клиент начинает врать о складских остатках, неопытный стажер бросается спорить с завскладом или требует немедленно вызвать службу безопасности. Опытный специалист делает другое: открывает учетную политику, журнал хозяйственных операций и начинает собирать первичку. Без эмоций. Без обвинений. Бумага не повышает голос, бумага не смотрит оскорбленным взглядом.

У меня не было доступа к его рабочему компьютеру. Не было права залезать в его корпоративную почту или требовать банковские выписки автосалона — я никогда не опустилась бы до взлома паролей или чтения чужих переписок через плечо. Это грязно, противозаконно и превращает любые найденные крупинцы правды в юридический мусор, который любой адвокат разобьет в суде за пять минут.

Но у меня был законный доступ к пространству нашей квартиры.

Я подошла к встроенному шкафу в коридоре. На нижней полке, под чехлами с зимними пальто, стояли три тяжелые коробки из темно-серого картона с металлическими уголками.

Семейный архив.

Пять лет назад, когда мы только съехались, я завела строгий порядок: все имущественные документы, договоры купли-продажи, медицинские страховки, гарантийные талоны

на крупную технику и чеки на дорогостоящие покупки складывались сюда. Раз в год, перед апрельской налоговой кампанией, я доставала эти папки, сортировала платежи и подавала декларации на имущественные и социальные вычеты — за лечение его матери, за мои образовательные курсы, за установку кондиционеров. Стас всегда посмеивался над этой привычкой, называл меня «маленьким государственным контролером», но исправно сбрасывал в среднюю коробку все квитанции из командировок, конверты из ювелирных магазинов и гостиничные счета. «Разберись сама, милая, у тебя это лучше получается».

Я опустилась на колени прямо на паркет, сдвинула тяжелую крышку средней коробки и поставила ее перед собой.

Пахло старой типографской краской, сухой картонной пылью и пластиковыми файлами.

Я не искала следы помад или забытые гостиничные ключи. Мне нужны были цифры.

Первая стопка — чеки на обслуживание машин за последний год. Стас водил служебный внедорожник, но все сервисные заказ-наряды на замену резины и плановые ТО хранил дома. Там все сходилась до рубля: корпоративная скидка дилера, безналичная оплата, стандартные нормо-часы.

Вторая стопка — медицина и стоматология. Чеки из клиники на Патриарших, договор на установку импланта, рецепты. Чисто.

Я достала третью папку — плотный синий пластиковый

скоросшиватель с маркировкой «Крупные покупки и представительские за 2025–2026 годы».

Пальцы перебирали гладкие полиэтиленовые кармашки. Чек на диван в гостиную. Договор на покупку швейцарских часов — тех самых, с синим циферблатом, которые мелькнули на ночном видео. Я сама выбирала их в бутике в ГУМе, оплачивала со своего накопительного счета.

В середине папки лежал толстый белый конверт из плотной мелованной бумаги с тисненым логотипом ювелирного дома на Большой Дмитровке.

Я открыла его.

Внутри лежал товарный чек и сертификат подлинности на серьги из белого золота с сапфирами и мелкой бриллиантовой крошкой.

Мой подарок на тридцатидвухлетие, три месяца назад.

Стас преподнес их за завтраком в бархатном футляре, поцеловал в висок и сказал, что цвет камней в точности повторяет мои глаза, когда я сержусь. Я помнила этот день: солнце заливало кухню, он наливал свежесжатый апельсиновый сок, я надела серьги сразу, не снимая до самого вечера...

Я развернула кассовый чек, приколотый канцелярской скрепкой к обороту сертификата.

Взгляд профессионально зацепился за структуру документа.

Дата: двадцать третье июня. Время: четырнадцать тридцать две.

Первая позиция: «Серьги, белое золото 750 пробы, вставки: сапфир, бриллиант. Артикул 448-С». Сумма — двести сорок тысяч рублей.

Строкой ниже:

«Колье с подвеской, белое золото 750 пробы, вставка: изумруд гидротермальный, бриллиант. Артикул 449-К».

Сумма — четыреста восемьдесят тысяч рублей.

Общий итог чека: семьсот двадцать тысяч.

Оплата: раздельная. Двести сорок тысяч — безналичный расчет по его личной кредитной карте (той самой, по которой я вела учет семейных бонусов). Четыреста восемьдесят тысяч — внесение наличных через кассу.

Я смотрела на эти цифры, и в груди становилось пусто и холодно, словно в комнате внезапно высадили оконную раму.

Колье с изумрудом.

У меня никогда не было украшений с изумрудами. Стас прекрасно знал, что я не ношу зеленые камни; мой металл — белое золото или платина, мои вставки — сапфиры или чистые бриллианты без цвета. В нашей шкатулке в спальне не лежало никакого колье за полмиллиона рублей.

Он купил его в ту же самую минуту. У того же самого прилавка. Продавец упаковал для него две коробочки: одну — со скромными сапфирами для жены, вторую — с тяжелым изумрудом для кого-то другого.

«Яна Сомова, — всплыло перед глазами стоп-кадр из ба-

ра на Садовом. — Шелк изумрудного цвета на тонких бретелях».

Я медленно перевернула чек. Скрепка со скрипом разогнулась под ногтем. Под кассовой лентой обнаружился еще один сложенный вчетверо лист — обычная офисная бумага формата А4, чуть замятая по краям.

Это не был чек магазина.

Это был проект акта сдачи-приемки оказанных услуг и счет на оплату.

В шапке документа значилось:

Исполнитель: ООО «Меридиан».

Заказчик: ООО «Престиж-Авто».

Предмет: Организация и материально-техническое обеспечение выездной презентации новой линейки премиальных внедорожников в загородном клубе «Лесной бор».

Дата составления: двадцать четвертое июня. На следующий день после покупки украшений.

Сумма счета — один миллион шестьсот пятьдесят тысяч рублей.

В графе «ответственный исполнитель от Заказчика» стояла аккуратная электронная подпись: *Ведущий менеджер отдела маркетинга Сомова Я. В.*

А внизу, в графе согласования платежа, стояла виза генерального директора — размашистый, уверенный автограф Стаса синей капиллярной ручкой, с короткой припиской: *«В оплату. Срочно. Без удержания гарантийного депозита».*

Я замерла, не отрывая взгляда от этих трех строк.

Почему черновик акта и счет контрагента «Престиж-Авто» оказались дома, в семейной коробке с чеками?

Ответ лежал на поверхности: в конце июня Стас брал работу на дом перед выездным совещанием. Он сидел за моим столом, разбирал папки, потом машинально сгреб со стола стопку бумаг вместе с ювелирными чеками и бросил в нижний ящик, не глядя. Рутинная бытовая небрежность, которая случается с каждым топ-менеджером, когда личная жизнь и рабочая текучка перемешиваются в одном портфеле.

Но совпадение дат било наотмашь.

Двадцать третьего июня — покупка изумрудного кольца за наличные.

Двадцать четвертого июня — закрытие акта на один миллион шестьсот пятьдесят тысяч рублей по подрядчику по организации мероприятий «Меридиан», завизированное лично Стасом в обход стандартной процедуры удержания депозита, под которым стоит фамилия его любовницы.

Доказывал ли этот счет хищение?

Нет.

Мой внутренний контролер заставил голову остыть. Акт мог быть абсолютно реальным. «Престиж-Авто» регулярно проводил презентации для премиальных клиентов за городом. Аренда шатров, кейтеринг, световой звук, трансфер — смета на полтора миллиона для загородного клуба такого

уровня выглядела вполне рыночной. Четыреста восемьдесят тысяч наличными Стас мог снять со своего личного счета или получить в качестве возврата старого долга.

Юридически здесь не было состава. Любой юрист скажет: связь между покупкой колье и счетом подрядчика — не более чем временное совпадение. Домашний документ не является аудиторским доказательством. Это всего лишь маркер. Красный флажок.

Но этот флажок менял всё.

До сегодняшнего утра я была просто преданной женой, которой разбили сердце в ночном клубе. Женщиной, чей пятилетний брак рассыпался из-за чужих тонких пальцев нашее мужа. Это была личная грязь, семейная трагедия, вопрос развода и раздела совместно нажитого имущества.

Теперь рядом с личной ложью встал финансовый след.

Подрядчик «Меридиан». Личная виза мужа с пометкой «срочно». Подпись любовницы под актом. Крупные наличные траты в тот же день.

Если Стас оплачивал красивую жизнь на стороне из собственного кармана — это было подлостью. Но если он закрывал фиктивные или раздутые расходы через контрагентов компании, которой руководил, — это было нарушением внутренних контролей холдинга. И прямой угрозой его карьере.

Я аккуратно сфотографировала на телефон оба документа: ювелирный чек с двумя позициями и проект акта «Ме-

ридиана». Снимки ушли в то же зашифрованное облако, где лежало видео из бара. Оригиналы я сложила обратно, запечатала в конверт и убрала на дно синей папки.

Чужие бумаги должны оставаться там, где лежали. Я не стану воровать документы из собственного дома.

В восемь пятнадцать я закрыла коробку, вернула ее на нижнюю полку шкафа и пошла одеваться.

Офис «ФинСфера Консалт» на двадцать пятом этаже башни в Сити встретил меня привычным, стерильным гулом.

Здесь пахло хорошим кондиционированным воздухом, горячим пластиком принтеров и сухим зерновым кофе. За стеклянными перегородками открытого офиса звенели телефонные звонки, шелестели отчеты, консультанты в строгих костюмах спорили о классификации дебиторской задолженности. Это был мой мир — понятный, логичный, защищенный регламентами и стандартами. Мир, где у каждого действия был входящий номер и утвержденная подпись.

Я прошла к своему рабочему месту у окна, повесила жакет на спинку кресла и открыла корпоративный ноутбук.

На рабочем столе висело двадцать непрочитанных писем. Рутинка: запросы на методологические разъяснения, согласование выборки по ритейлеру, график аттестации младших аналитиков.

В девять сорок пять в стеклянную дверь моего закутка негромко постучали.

Я подняла голову.

В проеме стоял Павел Сергеевич Ковалев — партнер практики управленческого консалтинга и внутреннего аудита, мой непосредственный куратор. Сухощавый, подтянутый мужчина пятидесяти лет в безупречном темно-сером костюме-тройке, с аккуратной седой бородкой и тяжелыми роговыми очками. Человек старой закалки, который пришел в консалтинг из британской аудиторской четверки и оценивал людей исключительно по качеству рабочих документов.

— Алина, доброе утро, — Ковалев держал в руке тонкую кожаную папку с логотипом фирмы. — Есть три минуты? Зайди ко мне, пожалуйста.

— Да, Павел Сергеевич, сейчас.

Я взяла блокнот, ручку и пошла за ним по светлому ковровину коридора.

Кабинет партнера отличался спартанской строгостью: полированный стол из темного ореха, два гостевых кресла, книжный шкаф с профессиональной литературой по МСФО и международным стандартам внутреннего аудита. Никаких семейных фотографий, никаких безделушек.

Ковалев сел за стол, жестом предложил мне сесть напротив и раскрыл папку:

— Как закрывается выборка по логистическому блоку? Укладываетесь в срок?

— Отчет готов на восемьдесят процентов, — ответила я ровно, положив ладони на колени. — До конца недели пере-

дам вам черновик меморандума. Существенных контрольных дефектов не выявлено, есть пара замечаний по лимитам согласования мелких закупок, но ничего критичного.

— Отлично, — Ковалев кивнул, снял очки и потер переносицу. — Тогда со следующего понедельника я забираю тебя на новый проект. Срочный и очень статусный.

В груди что-то неслышно щелкнуло.

— Какой клиент?

— Автомобильный сектор, — партнер придвинул ко мне лист с кратким проектным паспортом. — Группа компаний «Север-Авто». У них готовится масштабная инвестиционная программа: планируют открыть второй флагманский дилерский центр, запустить мультибрендовый сервисный хаб и расширить портфель поставок по азиатскому направлению. Деньги серьезные, исчисляются миллиардами.

Слова падали в тишину кабинета, как тяжелые свинцовые капли.

«Север-Авто». Холдинг, в который входит компания Ста-са.

— Управляющий партнер группы запросил независимую проверку системы внутренних контролей в ключевой операционной «дочке» перед вынесением вопроса на инвестиционный комитет, — продолжал Ковалев, глядя в бумаги. — Хотят перепроверить качество контрольной среды: процедуры закупок, представительские и маркетинговые статьи, списание расходов, персональные исключения руководства.

Стандартная управленческая проверка перед расширением бюджета. Не обязательный аудит, а проверка надежности процессов.

— Какая компания в периметре? — спросила я.

Мой голос оставался идеально ровным, профессиональным, отстраненным. Ни один мускул на лице не дрогнул. Семь лет работы с крупными клиентами приучили держать удар в любых обстоятельствах.

Ковалев перевернул страницу:

— ООО «Престиж-Авто». Их флагманский актив. Проект рассчитан на пять недель. Команда небольшая — три человека: ведущий аналитик на первичку, старший консультант на интервью с менеджментом и ты в роли лидера направления по операционным расходам. Дедлайн жесткий: в конце пятой недели отдаем предварительный меморандум, в четверг шестой недели — финальный отчет, в пятницу заседает инвестиционный комитет группы.

Он поднял на меня глаза:

— Я знаю, что ты ведешь параллельный проект, но по «Престиж-Авто» мне нужен человек с твоей хваткой. Там генеральный директор — очень сильный коммерсант, жесткий переговорщик, привык продавливать свою позицию. Младших аналитиков он просто размажет по стенке. Нужен специалист, который умеет отличать реальные бизнес-процессы от красивых презентаций и не боится задавать неудобные вопросы по первичным документам.

Я смотрела на белую строчку в проектном паспорте:

Объект проверки: ООО «Престиж-Авто». Генеральный директор: Артемьев С. И.

Воздух в кабинете словно сгустился.

Всего два часа назад я стояла на коленях перед коробкой с чеками в собственной прихожей, глядя на акт подрядчика «Меридиан» и кольцо за полмиллиона рублей, купленное в один день с моими сапфирами. Я думала, как связать эти обрывки, не имея права сделать ни единого шага внутрь его рабочего мира.

А сейчас передо мной лежало официальное проектное задание.

Дверь была открыта.

Законный доступ к базам данных компании мужа. Доступ к первичным документам, договорам, счетам, реестрам платежей, журналам согласований и выгрузкам из учетных систем. Пять недель работы внутри его автосалона. Ровно в те пять недель, пока Стас будет летать по китайским заводам в полной уверенности, что оставил дома обиженную, замкнувшуюся в себе жену, не способную на ответный шаг.

Но это был запретный вход.

Этический кодекс «ФинСферы» лежал у меня в ящике стола. Раздел четвертый: «Конфликт интересов». Консультант обязан немедленно заявить о наличии близких родственных связей с ключевым руководящим персоналом клиента. Проверяемый генеральный директор — мой законный

муж.

Одно слово Ковалеву: «Павел Сергеевич, Станислав Артемьев — мой супруг, я обязана взять самоотвод».

И проект снимут с меня за секунду. Направят другого человека. Который придет в автосалон, посмотрит на красивые отчеты Яны Сомовой, полистает подписанные акты «Мериана», не заметит даты ювелирных чеков и закроет проверку чистым положительным заключением. А Стас вернется из Шанхая победителем, получит одобрение миллиардного бюджета, продолжит врать мне в лицо и целовать подчиненную на двадцать втором этаже на Садовом.

— Алина? — Ковалев внимательно посмотрел на меня поверх очков. — Ты сомневаешься? Нагрузка смущает?

Я опустила взгляд на блокнот.

Белый лист. Чистый, без единой пометки.

Решение стояло передо мной ребром. Сказать правду сейчас — и остаться за закрытой дверью с разбитым браком и ворохом догадок. Или сделать шаг за черту.

— Нет, Павел Сергеевич, — ровно ответила я, поднимая глаза на партнера. — Нагрузка нормальная. Я возьму этот проект.

Глава 5

Алина

В четверг утром корпоративный портал «ФинСферы» встретил меня стандартной формой комплаенс-контроля.

Окно висело поверх открытой почты, блокируя доступ к остальным вкладкам: полупрозрачный серый фон, синий логотип фирмы в левом углу и заголовок жирным шрифтом: *«Декларация независимости и отсутствия конфликта интересов перед назначением на проект»*.

Четвертый раздел внутреннего этического кодекса.

Семь обязательных пунктов с радиокнопками «Да» и «Нет».

Я сидела за своим столом у панорамного окна на двадцать пятом этаже. За стеклом висела низкая, клочковатая хмарь, сквозь которую едва проступали ржавые крыши промзоны у Третьего кольца. В открытом офисе за моей спиной негромко гудел принтер, кто-то размешивал сахар в керамической кружке — мерное металлическое звяканье, повторявшееся каждые три секунды. Жизнь консалтинговой фирмы текла по своим жестким, выверенным рельсам.

Курсор мыши замер над третьим пунктом опросника:

«Имеете ли вы или лица, состоящие с вами в близком родстве (супруги, родители, дети, полнородные и неполнородные братья и сестры), финансовый интерес, долю владения

или руководящие полномочия в проверяемой организации либо в структурах, аффилированных с заказчиком?»

Рядом мигала маленькая синяя сноска: *«Нераскрытие сведений о конфликте интересов является грубым нарушением профессиональных стандартов и влечет за собой дисциплинарные меры вплоть до увольнения и отзыва сертификации».*

Пальцы на пластиковом корпусе мыши были сухими и неподвижными.

Если я нажму «Да», система потребует раскрыть детали. Я напишу: «Артемьев Станислав Игоревич, генеральный директор ООО “Престиж-Авто” — мой законный муж».

Через сорок секунд форма упадет на стол руководителю практики рисков. Еще через десять минут Ковалев вызовет меня в кабинет, мягко снимет с проекта, похлопает по плечу и скажет: «Алина, спасибо за честность, отдохни пока на отчетах ритейлера». А на Ленинградку поедет кто-то другой.

Кто-то, кто не знает, где Стас берет наличность. Кто-то, кто не видел чек на изумрудное кольцо, купленное в один день с моими сапфирами. Кто-то, кто послушает уверенный голос Артемьева, примет аккуратно подогнанные закрывающие акты Яны Сомовой и положит на стол инвесткомитета гладкий, стерильный отчет без единого красного флажка.

«Это не обязательный аудит финансовой отчетности, — тихо сказал мой внутренний голос, услужливо подсовывая удобную профессиональную казуистику. — Мы не заверя-

ем годовой баланс по закону об аудиторской деятельности. Это управленческая проверка внутренних контролей по заказу холдинга. Операционная проверка надежности процессов. Ты просто посмотришь первичку. Если там все чисто — ты уйдешь. Если найдешь реальное нарушение — снимешься сама, до официального меморандума».

Ложь самой себе всегда звучит убедительнее, чем чужой обман.

Я прекрасно понимала, что занимаюсь самообманом. Нарушение стандарта не перестает быть нарушением от того, как именно называется проектная рамка. Я переступала профессиональную границу. Сознательно. Хладнокровно.

Курсор сдвинулся на два сантиметра вправо.

Короткий, сухой щелчок клавиши.

Точка встала в кружок «Нет».

Я подтвердила отправку формы электронной подписью. Экран моргнул, серое окно исчезло, открывая рабочий стол с проектной документацией.

Назад дороги не было. Я больше не была просто обманутой женой, которая ищет утешения. Я стала специалистом, который осознанно заложил мину под собственную репутацию ради права увидеть правду своими глазами.

В десять тридцать в переговорной собралась проектная группа.

Нас было трое. Руководитель проекта — Кирилл Давыдов, въедливый старший менеджер с вечно помятым ворот-

ником оксфордской рубашки и цепким взглядом человека, не доверявшего даже собственным калькуляторам. Младший аналитик Денис — молчаливый выпускник финансовой академии, которому предстояло перелопачивать бесконечные выгрузки из складских систем. И я — ведущий консультант по операционным расходам и представительским статьям.

Ковалев лично зашел на первые десять минут установочной сессии.

— Коллеги, вводные простые, — партнер положил на полированный стол распечатанный таймлайн. — Холдинг «Север-Авто» готовится к траншу на расширение сети дилерских центров. Деньги большие, риски соответствующие. Наша задача — протестировать контрольную среду в ключевой дочерней структуре. ООО «Престиж-Авто». Пять недель на объекте.

Давыдов перелистнул страницу проектного устава:

— С кем работаем на стороне клиента?

— Операционный контакт — финансовый директор Воропаев Илья Николаевич, — ответил Ковалев. — Генеральный директор Артемьев улетает в Азию на пять недель в пятницу, так что на площадке его не будет. Воропаев в курсе периметра, доступ к системам заказан через него.

— Состав группы согласован? — спросила я, глядя в свои рабочие записи. Голос прозвучал ровно, без малейшей запинки.

— Клиент получил утвержденный объем проверки, имя Кирилла как лидера проекта и контрольные сроки, — Ковалев кивнул Давыдову. — Список рядовых аналитиков и консультантов ушел операционному координатору для оформления пропусков на проходной и временных учетных записей. Станислав Артемьев в эти детали не вникает, у него на носу подписание рамочного контракта с азиатскими заводами. Его интересует только итоговый вердикт.

Я опустила глаза на блокнот.

Замок защелкнулся.

Стас не увидит мою фамилию во входящей почте. Для него проверку ведет «ФинСфера» под руководством Давыдова. В пропускное бюро дилерского центра уйдет стандартная служебная записка: *«Измайлова А. С., консультант»*.

Измайлова.

Моя законная фамилия с рождения.

Пять лет назад, когда мы подавали заявление в загс, Стас легко согласился на то, чтобы я оставила девичью фамилию. Я тогда как раз сдавала квалификационные экзамены на международный сертификат внутреннего аудитора, на мое имя были оформлены сертификаты, публикации в профессиональной периодике, аттестаты. «Зачем тебе эта бумажная волокита с заменой паспорта, загранника и дипломов? — смеялся он, разливая шампанское в нашей первой съемной квартире. — Главное, что мы вместе, а что там написано в графе — плевать».

Тогда это казалось проявлением редкой мужской зрелости и уважения к моей карьере.

Теперь это превратилось в идеальную броню.

В «Престиж-Авто» знали, что у генерального директора есть жена. Но я ни разу не переступала порог его автосалона. Я не ходила на корпоративные банкеты — в нашей семье всегда действовало негласное правило: мы не смешиваем работу и личное пространство, на общих вечеринках мне было скучно среди жен топ-менеджеров, обсуждавших спaproцедуры и школы в Дубае. Мои страницы в социальных сетях были закрыты настройками приватности до трех десятков личных друзей.

Никто на Ленинградке не свяжет сухощавого консультанта Измайлову в строгом брючном костюме с мифической «женой директора».

— График жесткий, — подытожил Ковалев, постучав сухим пальцем по датам. — Первый статус-апдейт — понедельник пятой недели. Промежуточный меморандум — пятница пятой недели. Финальный отчет ложится на стол инвесткомитета холдинга в четверг шестой недели. В пятницу комитет принимает решение по деньгам. Вопросы есть?

— Вопросов нет, — отозвался Давыдов.

— Работаем, — сказала я, закрывая блокнот.

Четверг прошел в лихорадочной подготовке. Я закрывала свои текущие хвосты по фармацевтическому холдингу, передавала дела младшим коллегам, вычитывала техническое

задание на выгрузку баз данных «Престиж-Авто».

Домой я вернулась в девятом часу вечера.

Квартира встретила меня включенным верхним светом и запахом свежей кожи. Посреди гостиной на темно-сером шерстяном ковре лежал открытый серебристый чемодан Стаса из авиационного алюминия.

Сам Стас сидел на диване в одних домашних брюках и темно-серой футболке. Перед ним на журнальном столике стояла тарелка с остатками пасты из доставки и ноутбук. Рядом высились ровные стопки выглаженных сорочек в полиэтилене из химчистки, три шелковых галстука, скрученных аккуратными улитками, и несессер с туалетными принадлежностями.

Он поднял голову, когда я вошла в комнату.

Его лицо было спокойным, почти домашним. Никаких следов вчерашнего напряжения. Он выбрал тактику абсолютной нормализации: ссора исчерпана, инцидент забыт, мы возвращаемся к привычной жизни успешной пары.

— Привет, Аль, — сказал он мягко, захлопывая крышку рабочего компьютера. — Я заказал из того итальянского ресторана на углу. Твоя порция с морепродуктами в духовке, еще теплая.

— Спасибо, я поужинала в офисе, — ответила я, вешая пальто на плечики в прихожей.

Стас поднялся с дивана, подошел ко мне неслышным, упругим шагом и остановился в полуметре. В его глазах чи-

талась осторожная, выверенная нежность. Руки он держал опущенными, не пытаясь обнять насильно — он умел считывать дистанцию и давать «личное пространство», когда это было тактически выгодно.

— Аль, — произнес он негромко, заглядывая мне в лицо. — Я завтра улетаю. Пять недель — это чертовски долго. Давай не будем тащить этот холод через полмира. Я понимаю, что тебе было больно увидеть то видео. Я повел себя беспечно, позволил ситуации выйти из-под контроля, дал повод для сплетен. Я виноват перед тобой.

Слова звучали гладко, как отполированный морской гравий.

Он признавал «беспечность». Признавал «повод для сплетен». Он мастерски каялся в мелкой оплошности, чтобы намертво зацементировать главную ложь.

— Ты собрал документы? — спросила я, игнорируя его признание и проходя к чемодану.

Стас тихо, едва слышно вздохнул за моей спиной — вздох мужчины, уставшего от женского упрямства, но вынужденного терпеть.

— Паспорт, визы, приглашения от китайской стороны — все в портфеле, — ответил он, подходя к столу и складывая сорочки в чемодан. — Завтра в восемь тридцать утра выезжаю в Шереметьево. Вылет в одиннадцать двадцать.

— У холдинга к тебе не было вопросов перед вылетом? — я оперлась бедром о спинку кресла, наблюдая за его уве-

ренными движениями.

— Обычная предкомитетская паранойя, — Стас усмехнулся, застегивая эластичный ремень поверх упакованных вещей. — Сабуров продавил управленческую проверку перед заседанием. Прислали какую-то консалтинговую контроу, «ФинСфера» или что-то в этом роде. Хотят перепроверить наши регламенты и операционные расходы за последние полтора года.

Мое сердце глухо ударило о ребра, но лицо осталось неподвижным.

— И как ты к этому относишься? — спросила я как можно небрежнее.

— Да никак, — он пожал плечами, закрывая правую половину чемодана. — Стандартная бюрократия больших холдингов. Инвесторы боятся выделять миллиарды на расширение без бумажки с круглой печатью сторонних аудиторов. Я Воропаеву дал указание: выделить им переговорную на втором этаже, дать регламенты, типовые договоры, выгрузки по закрытым счетам. Пусть ковыряются пять недель в первичке, пока я в Шанхае выбиваю эксклюзивные квоты на поставки. К моему возвращению как раз нарисуют отчет, мы снимем мелкие замечания, и инвесткомитет утвердит бюджет.

Он даже не взглянул на список команды.

Для него консультанты были безликим обслуживающим персоналом, фоновым шумом корпоративной машины.

— Главное, чтобы отчет был чистым, — тихо заметила я.

— Он будет чистым, Аль, — Стас поднял на меня уверенный, ясный взгляд. — У нас сильная операционка. «Престиж-Авто» — лучший дилер сети по показателям маржинальности. Никакие мальчишки из консалтинга ничего там не сломают.

Он защелкнул кодовые замки чемодана. Сухой металлический лязг прозвучал финальной точкой.

— Я переночую в кабинете, — сказала я, глядя на его дорожную сумку. — Мне нужно до утра закрыть передачу проекта.

Стас замер на секунду, глядя на меня снизу вверх. В его глазах мелькнула досада, но он тут же взял себя в руки.

— Как скажешь, милая, — мягко ответил он. — Не сиди допоздна.

Пятница наступила под монотонный шум дождя.

В восемь тридцать утра служебный микроавтобус с водителем уже стоял у нашего подъезда. Стас настоял на том, чтобы я поехала с ним до аэропорта: «Аль, ну мы же не чужие люди, давай нормально попрощаемся, без этой дурацкой недосказанности».

Я согласилась. Мне нужно было собственными глазами увидеть, как он пройдет через турникеты зоны вылета.

Дорога до Шереметьево заняла почти сорок минут по мокрому, забитому фурами Ленинградскому шоссе. Дворники мерно скрипели по лобовому стеклу, счищая серую дорожную грязь. Стас всю дорогу говорил по телефону через

гарнитуру: отдавал последние распоряжения Воропаеву по банковским гарантиям, согласовывал перенос встреч с китайскими партнерами, спорил с логистами. Я сидела рядом на кожаном сиденье, глядя в боковое окно на мелькающие серые автозаправки и мокрые щиты рекламы.

Терминал С гудел утренней суетой.

Здесь пахло керосиновым выхлопом взлетного поля, влажной шерстью пальто, дешевым пластиком чемоданных чехлов и крепким зерновым кофе из стоек экспресс-кофеен. Высокие стеклянные своды отражали мигание табло вылетов. Женский механический голос монотонно объявлял посадку на рейс до Пекина.

Водитель выгрузил тяжелый алюминиевый чемодан на тележку у входа.

Стас остановился перед рамками безопасности бизнес-зала. Снял кашемировое пальто, перекинул его через согнутую руку.

— Ну вот и все, — он посмотрел на меня с легкой, виноватой улыбкой. — Пять недель, Аля. Я буду звонить, как только устроюсь в отеле в Шанхае. С учетом разницы во времени — скорее всего, по вашему вечеру.

— Береги себя, Стас, — сказала я.

Мой голос звучал глухо в огромном пространстве терминала. Я стояла перед ним прямо, застегнутая на все пуговицы темно-синего плаща, держа руки в карманах.

Он шагнул ближе, положил ладонь мне на затылок — при-

вычный, знакомый жест, от которого внутри у меня все на секунду сжалось в ледяной комок, — и поцеловал меня в щеку.

Его губы были сухими и теплыми. От воротника рубашки пахло терпким ветивером и свежей глажкой.

— Мы все исправим, когда я вернусь, — тихо произнес он мне на ухо. — Я обещаю тебе.

Я ничего не ответила. Не кивнула. Не улыбнулась.

Стас отстранился, подхватил ручку тележки с чемоданом и шагнул к стойке контроля посадочных талонов.

Я стояла у стеклянной перегородки и смотрела ему в спину.

Он двигался легко, пружинисто, уверенно. Высокий, успешный мужчина в безупречно сидящем костюме, хозяин своей жизни, улетающий покорять новые рынки. Он приложил телефон с QR-кодом к сканеру турникета. Створки мягко разошлись.

Перед самым поворотом в коридор досмотра Стас обернулся, нашел меня взглядом сквозь толпу и коротко махнул рукой.

Я подняла руку в ответ.

Он скрылся за матовыми панелями коридора.

Самолет взлетит через два часа. Впереди у него девять часов беспосадочного перелета над заснеженной тайгой, чужой континент, заводы, приемы и полная уверенность в том, что дома все осталось под его контролем.

А в понедельник утром в девять ноль-ноль я переступлю порог центрального офиса «Престиж-Авто» на Ленинградском шоссе.

Я достала из сумочки пропуск сотрудника «ФинСферы» на пластиковом шнурке.

На белом пластике под цветной фотографией черными буквами было отпечатано:

Измайлова Алина Сергеевна.

Ведущий консультант департамента управления рисками.

Я сжала жесткий край карточки пальцами.

Обманутая жена осталась в терминале аэропорта. На Ленинградку поедет специалист, который сам нарушил правила игры ради права узнать правду. И цена этого решения уже начала тикать на моих часах.

Глава 6

Алина

Автосалон «Престиж-Авто» на Ленинградском шоссе встречал клиентов запахом больших, очень уверенных денег.

Здесь пахло полимерной мастикой для плитки, свежей кожей дорогих автомобильных салонов, черненой резиной новых низкопрофильных покрышек и холодным, стерильным озоном из мощных промышленных приточек. Огромный двухсветный атриум из матового стекла и черного шлифованного гранита глушил звуки: за окнами в восемь сорок пять утра ревел плотный, застрявший в пробке поток в сторону центра, а внутри царила почти музейная тишина. Под направленными софитами блестели лакированными боками тяжелые внедорожники — глубокий графит, обсидиановый металлик, матовый жемчуг.

Я стояла у турникетов служебного входа, прижимая локтем кожаную сумку с ноутбуком.

Рядом переминался с ноги на ногу Денис, наш младший аналитик. В своем чуть широковатом темно-синем костюме и с мокрым от дождя складным зонтом в руках он выглядел как отличник перед первой пересдачей. Кирилл Давыдов, руководитель нашей рабочей группы, стоял у стойки охраны, нетерпеливо постукивая по ламинированной сто-

лешнице кончиком шариковой ручки.

— Давыдов, Измайлова, Карпов, — повторил охранник за бронированным стеклом, медленно сверяя паспорта со служебной запиской. — «ФинСфера Консалт». У вас согласован допуск на второй этаж, переговорная «Байкал». Гостевые магнитные карты сдавать каждый вечер до девятнадцати ноль-ноль на выходе. Фото- и видеосъемка в производственных зонах и сервисных цехах запрещена регламентом безопасности. Распишитесь.

Я приняла из узкого лотка пластиковый прямоугольник на серой ленте.

Белый пластик без фотографии, стандартная кодировка стороннего консультанта: *ВРЕМЕННЫЙ 04*.

Турникет щелкнул, мигнув зеленым диодом. Мы прошли через шлюз.

В лифте пахло мужским одеколоном — не Стаса, более тяжелым, с терпким мускусным шлейфом — и застарелым табаком. На второй этаж мы поднялись молча. Наш кабинет оказался просторной стеклянной переговорной, врезанной прямо в балконную галерею над главным шоу-румом. Отсюда весь автосалон просматривался как на ладони: ряды хромированных решеток радиаторов, стеклянные кубы менеджеров по кредитованию, зона выдачи новых машин с белым постаментом и стойка ресепшена, где две длинноногие девушки в черных строгих платьях методично перекладывали глянцевые буклеты.

Через десять минут в переговорную вошел финансовый директор «Престиж-Авто».

Илья Николаевич Воропаев был человеком, словно целиком собранным из прямых углов и серых шерстяных тканей. Сухой, поджарый, лет сорока пяти, с гладким зачесом русых с проседью волос и маленькими, цепкими глазами за тонкой металлической оправой. Он не стал тратить время на светские расшаркивания. Короткое рукопожатие с Давыдовым, вежливый полупоклон в мою сторону, сухой кивок Денису.

— Располагайтесь, коллеги, — Воропаев положил на длинный стеклянный стол три толстые папки на кольцах. — Станислав Игоревич перед вылетом дал прямое распоряжение: обеспечить вашей группе максимальное содействие в рамках утвержденного технического задания. По регламенту группы «Север-Авто» мы предоставили вам рабочие места и локальную сеть с изолированным шлюзом. Доступ к базам данных — исключительно в режиме чтения. Модули складского учета, первичные бухгалтерские журналы, реестры платежей за последние восемнадцать месяцев.

Он подошел к настенной маркерной доске, где уже висел распечатанный календарный график проекта, и постучал по нему костяшкой согнутого указательного пальца:

— Координаты утверждены инвестиционным блоком холдинга. Напоминаю контрольные точки, чтобы у нас не возникало иллюзий по срокам. Понедельник пятой недели — ваш первый независимый статус-апдейт. Пятница пятой недели

— официальный промежуточный меморандум. Четверг шестой недели — финальный отчет ложится на стол инвесткомитета. И в пятницу шестой недели комитет принимает решение по выделению трех с половиной миллиардов рублей на открытие второго центра и выкуп дилерской квоты.

— Мы уложимся, Илья Николаевич, — ровно ответил Кирилл, открывая свой ноутбук. — Наш периметр — тестирование операционной эффективности контрольной среды. Закупки, маркетинг, представительские расходы, журналы ручных проводок. Никаких встречных проверок контрагентов без отдельного согласования с вами.

— Очень на это рассчитываю, — сухо отозвался Воропаев. — Компания работает в режиме предельной нагрузки. Генеральный на переговорах в Азии, коммерческий блок закрывает квартал. Не дергайте линейных сотрудников по пустякам. Все запросы на первичку — через моего секретаря, письменно, до шестнадцати ноль-ноль.

Он повернулся и вышел, закрыв за собой тяжелую матовую дверь.

— Классический финдир перед инвестиционной сделкой, — хмыкнул Давыдов, настраивая монитор. — Боится, что мы найдем забытый неоприходованный стеллаж на складе и сорвем ему годовой бонус. Денис, садись на общую оборотку и журнал проводок. Ищи разрывы в нумерации платежей и ручные корректировки по счетам расчетов с поставщиками. Алина, на тебе вся операционка и сервисные договоры. Нач-

ни с представительских, рекламы и подрядчиков по клиентским мероприятиям. Там традиционно больше всего грязи и личных «хотелок» директоров.

— Поняла, — ответила я.

Я открыла выданную учетную запись.

Логин: *ext_audit_02*.

Система открылась быстро — стандартный тяжелый интерфейс корпоративной базы данных, серые таблицы, бесконечные строки проводок. Я вбила в поисковую строку фильтра код затрат «Маркетинг и PR» и ограничила период последними полутора годами.

Экран мигнул, выкатив массив из четырехсот семидесяти операций.

Я положила руки на клавиатуру. Пальцы были спокойными. Внутри переговорной было прохладно, термостат мерно гудел под потолком, выбрасывая сухой воздух.

Вот оно.

Здесь не было эмоций. Не было обиды, разбитой посуды и бессонных ночей в пустой спальне. Были только проводки: дебет сорок четвертого, кредит шестидесятого. Суммы, номера договоров, фамилии ответственных исполнителей.

В двенадцать тридцать мне понадобились оригиналы приложений к рамочному договору на полиграфию и наружную рекламу за второй квартал. В электронной карточке сканы отсутствовали — стояла лишь отметка: «Оригинал на бумажном носителе в отделе маркетинга».

Я поднялась из-за стола, накинула жакет и вышла в коридор.

Отдел маркетинга и клиентских программ располагался в самом конце западного крыла галереи, сразу за кабинетом генерального директора. Проходя мимо высокой двери из темного дуба с латунной табличкой «*Генеральный директор Артемьев С. И.*», я задержала взгляд на замке. Дверь была заперта, жалюзи опущены. Хозяин кабинета был за шесть тысяч километров отсюда, но его присутствие висело над этажом густым, невидимым куполом.

Дверь в маркетинг была приоткрыта.

Это был просторный открытый офис, залитый ярким белым светом светодиодных панелей. На стенах висели постеры новых концепт-каров, в углу высилась стопка ролл-апов с прошлогодней выставки, на столах громоздились образцы сувенирной продукции — ежедневники в тисненой коже, металлические термокружки, брендированные брелоки. Пахло свежесваренным кофе из капсульной машины, цитрусовым ароматизатором и дорогим женским парфюмом.

Тем самым.

Белый мускус и миндаль. Въедливая пудровая нота, которую я вдохнула с лацкана пиджака Стаса в прошлый понедельник.

В кабинете было четверо.

Яна Сомова сидела на краю большого стеклянного стола для переговоров, держа в тонких пальцах фарфоровую чаш-

ку с кофе. На ней были узкие черные укороченные брюки и шелковая блузка цвета слоновой кости. Темные волосы с идеальным каре падали на скулы, короткие рукава открывали тонкие запястья. На шее тускло блеснула тонкая золотая цепочка, уходящая под вырез блузки.

Она выглядела собранной, дорогой и нервной.

Перед ней за монитором сидела полная блондинка лет тридцати пяти в трикотажном кардигане, методично вбивавшая данные в таблицу. Чуть поодаль у кофемашины стоял парень в очках из отдела продаж, лениво листая ленту новостей на смартфоне.

— ...да плевать мне, что у них с логистикой, — говорила Яна резким, хорошо поставленным голосом, обращаясь к блондинке. — Тест-драйв для закрытого клуба назначен на двадцатое число. Площадка на Дмитровском полигоне должна быть оплачена до пятницы. Если Воропаев будет зажимать аванс, я сама наберу Стасу в Шанхай. Он сказал: ни одно клиентское мероприятие перед инвесткомитетом просеять не должно.

— Яночка, Воропаев сейчас и на канцелярские скрепки косо смотрит, — вздохнула блондинка, не отрывая взгляда от экрана. — Ты видела, кто приехал? Три аудитора из «ФинСферы». Сидят на втором этаже, запросили реестры платежей за полтора года.

Парень у кофемашины усмехнулся, бросив капсулу в контейнер:

— Да ладно тебе, Лен. Стандартный чес перед советом директоров. Сабуровские опричники. Пороются в счетах, попьют наш кофе, напишут, что у нас неправильно оформлены командировочные, и срубят свой миллион за проверку. Артемьев вернется — все подпишет.

— Артемьев вернется злющий как черт, — бросила блондинка Лена, скривив губы. — Мало того что Сабуров ему кровь сворачивает с этими проверками, так дома еще этот домашний ад.

Я замерла в дверном проеме.

Рука, лежавшая на ручке сумки, непроизвольно напряглась. Пальцы похолодели.

— А что дома? — лениво поинтересовался парень, прихлебывая пену из стаканчика. — Опять благоверная на дыбы встала?

— А когда она на них не стояла? — Лена оторвалась от клавиатуры и выразительно округлила глаза. — Он перед самым отъездом заходил ко мне закрывать авансовый отчет по командировке в Питер. Лица на человеке не было. Говорит: «Лен, я домой возвращаться боюсь. Прихожу после двенадцатичасового дня, а там встречают взглядом следователя НКВД». Вечно недовольная, холодная, слова доброго не дождешься. Ни детей, ни нормального ужина, одни претензии: почему поздно, где был, почему телефон перевернул.

— Она у него вроде бухгалтерша какая-то? — перебил парень.

— Ну, типа того, в аудите где-то крутится, — фыркнула Лена. — Синий чулок. Голова забита цифрами, а как мужика встретить, чтобы ему тепло было — этому ее не научили. Стас пять лет терпит, живет с ней из чувства долга, потому что порядочный слишком. Другой бы давно пинка под зад дал этой мегере и нормальную семью завел. Мужик пашет как проклятый, компанию на себе тащит, а дома — морозильник и скандалы на пустом месте.

Воздух в коридоре словно превратился в ледяной, неподвижный клей.

«Мегера».

«Синий чулок».

«Живет из чувства долга».

«Ни детей, ни ужина, одни скандалы».

Пять лет я готовила ему горячие завтраки. Пять лет выглаживала его рубашки, подбирала галстуки, забирала пальто из химчистки, тихо уходила на цыпочках в кабинет, когда он спал после тяжелых планерок. Пять лет выслушивала его монологи о дилерах, налогах, субсидиях и трудностях с поставками. Я берегла его сон, его статус, его покой. Я ни разу — ни единого раза за пять лет брака — не повысила на него голос на людях, не закатила сцены, не проверяла карманы.

А здесь, на его собственной территории, среди людей, которые получали из его рук зарплату, существовала совсем другая Алина.

Вымышленный монстр.

Удобная, тщательно сконструированная ширма. Легенда, оправдывавшая его ночные задержки, чужие духи на воротнике и роман на рабочем месте. Ведь как можно винить обязательного, сильного генерального директора, если дома его ждет бессердечная мегера, с которой он мучается годами?

Я перевела взгляд на Яну Сомову.

Она не смеялась вместе с Леной. На ее холеном лице застыло сложное, почти искреннее сочувствие. Она опустила глаза в свою чашку, пальцы с темным аккуратным маникюром слегка сжали фарфор.

— Ладно вам сплетничать, — негромко, но твердо произнесла Яна. — Чужая семья — потемки. Стасу сейчас и так тяжело. Главное, чтобы поездка выгорела. Если он подпишет китайцев, Сабурову придется согласовать расширение сети, и тогда Станислав наконец сможет принимать решения сам. Без оглядки на чужие истерики.

Она верила.

Я видела это по ее глазам, по этой мягкой, собственной ноте в голосе. Яна не считала себя расчетливой любовницей, разбивающей чужое счастье. В своей собственной картине мира она была музой, поддержкой, спасительной гаванью для благородного, замученного домашней тиранкой мужчины. Стас скормил ей эту сказку так же виртуозно, как кормил меня сказками про таможенный терминал в Домодедово.

«Держи лицо, Измайлова, — приказала я себе. — Ты на

объекте. Ты здесь не жена. Ты консультант».

Я шагнула через порог.

Звук моих каблучков по ламинату прозвучал сухо и отчетливо.

Разговор в комнате оборвался мгновенно, словно кто-то щелкнул выключателем. Парень у кофемашины выпрямился, Лена торопливо свернула вкладку с чатом, а Яна медленно подняла голову, скользнув по мне оценивающим, настроженным взглядом.

— Добрый день, — произнесла я абсолютно ровным, профессионально-отстраненным голосом. — Консалтинговая группа «ФинСфера». Измайлова Алина. Мне нужны оригиналы приложений к рамочному договору на полиграфию за второй квартал, номер 44-М. По учетной карточке они числятся у вас.

Яна медленно соскользнула со стола, поставила чашку на блюдце.

Она была на полголовы ниже меня, но держалась с той агрессивной, кошачьей уверенностью женщины, привыкшей, что ее желания выполняются без задержек. Ее карие глаза быстро сканировали мой строгий темно-серый костюм, гладкий узел темных волос, отсутствие яркого макияжа и бейдж *ВРЕМЕННЫЙ 04*.

— Вы по операционным расходам? — спросила она. В ее тоне прорезалась легкая прохладца.

— Да, — ответила я, глядя ей прямо в переносицу. — По

регламенту проверки мы проводим сплошную выборку закрывающих документов по представительским и маркетинговым статьям.

— Документы в архиве, — Яна скрестила руки на груди. — Но я не понимаю, зачем поднимать бумагу за прошлый квартал. Все акты подписаны генеральным директором, счета согласованы финансовой службой, услуги оказаны в полном объеме. У нас через две недели закрытый показ для ключевых клиентов, отдел работает по шестнадцать часов в сутки. Нам сейчас некогда доставать из коробок прошлогодние листовки.

— Это стандартная процедура проверки внутренних контролей перед рассмотрением бюджета на инвестиционном комитете, — спокойно парировала я, не отводя глаз. — Если документы закрыты корректно, сверка займет не больше получаса. Мы запрашиваем только то, что входит в утвержденный объем проверки.

Яна поджала губы. В ее глазах мелькнуло раздражение — не страх, а именно досада хозяйки, к которой в дом без спроса зашли чужие люди в грязной обуви.

— Лена, — бросила она блондинке через плечо, — найди консультантам эту папку. В третьем шкафу, на нижней полке. И проследи, чтобы все вернули под роспись. У нас строгая отчетность.

— Разумеется, — отозвалась я.

Лена встала, шумно выдвинула ящик картотеки и достала

пухлую пластиковую папку. Протянула ее мне, стараясь не смотреть в глаза.

Я приняла документы. Папка была тяжелой, пластик пах пылью и типографской краской.

— Спасибо за содействие, — сказала я, развернулась и пошла к выходу.

Я чувствовала на себе взгляд Яны Сомовой — цепкий, настороженный, сканирующий каждый мой шаг. Она не знала, кто я. Для нее я была всего лишь очередной проверяющей из внешнего контура, занудной аудиторшей, сующей нос в ее бюджеты.

Но она уже почуяла угрозу.

Я вернулась в переговорную «Байкал». Села на свое место у стеклянной стены. Денис увлеченно стучал по клавишам, Кирилл говорил по телефону с куратором практики Ковалевым. Внизу в шоу-руме продавцы в черных костюмах кружили вокруг солидного мужчины в кашемировом пальто, открывая перед ним тяжелую дверь флагманского внедорожника. Бизнес шел своим чередом.

Я открыла принесенную папку.

Руки не дрожали. Холодная, стерильная ясность накрыла меня целиком.

До сегодняшнего утра я думала, что нахожусь здесь ради себя. Ради того, чтобы доказать самой себе факт предательства, собрать чемодан и уйти, оставив за спиной руины брака.

Теперь все изменилось.

Стас Артемьев построил вокруг своего бизнеса и своей похоти крепость из лжи. Он продал своим подчиненным, своим любовницам и своему холдингу миф обо мне — злобной, холодной жене-мегере, чтобы оправдать собственные аппетиты. И этой ложью он прикрывал не только свои ночи, но и свои счета.

Я перевернула первый лист договора.

ООО «Меридиан».

Счет на три миллиона двести тысяч рублей. Организация серии закрытых презентаций в загородных клубах.

Подпись исполнителя: Сомова Я. В.

Виза генерального директора: «В оплату. Срочно».

Тайный наблюдатель во мне умер.

Я положила ладонь на шершавую бумагу акта.

У них было почти пять недель. У меня было почти пять недель.

И когда этот срок истечет, независимый отчет покажет холдингу реальную цену каждой его подписи. Лицом к лицу. Без мифов. Только цифры.

Глава 7

Алина

К половине девятого мы с Кириллом и Денисом уже сидели в «Байкале». К девяти на длинном стеклянном столе высились четыре стопки картонных папок, доставленных из архива по вчерашней описи. За витринами шоу-рума машины ползли по Ленинградке сплошной мутной лентой: ночной дождь сменился колючей крупой.

Денис сидел спиной к окну, обложившись энергетиками, и методично сводил шахматку по счетам учета расчетов с поставщиками. Наушники отсекали его от внешнего мира, пальцы непрерывно стучали по цифровому блоку клавиатуры. Кирилл перелистывал годовую инвентаризационную ведомость склада запчастей, то и дело делая пометки желтым маркером на полях.

— Алина, — не отрывая взгляда от бумаги, бросил Давыдов, — финансовый согласовал выгрузку по операционным расходам за последние двенадцать месяцев. Доступ открыт. Папки на столе — это первичка по закрытым маркетинговым и представительским договорам. Начни с крупных сумм. Если увидишь дробление счетов ниже лимита согласования — сразу в отдельную таблицу.

— Поняла, — ответила я, задвигая чашку с остывшим чаем на край стола.

Я открыла базу данных через рабочую учетную запись консультанта.

Серый интерфейс, сотни строк, сухие цифры.

Неопытный проверяющий в таких массивах обычно совершает одну и ту же ошибку: он начинает искать «криминал». Глаз цепляется за круглые суммы, за экзотические формулировки, за незнакомые названия фирм. Человек выписывает все подряд в длинный список «подозрительного», а через три дня тонет в горе разрозненных чеков, которые любой грамотный бухгалтер легко объяснит производственной необходимостью.

В консалтинге меня учили другому: мошенничество никогда не выглядит как преступление. Оно всегда маскируется под скучную, монотонную норму.

Я не стала искать воровство. Я открыла чистую таблицу и разбила ее на пять колонок: дата списания, заявленное событие, контрагент, подтверждение фактического результата и согласующее лицо.

Принцип пяти точек. Если хотя бы одна точка провисает — позиция уходит на ручную перепроверку.

Я взяла верхнюю папку из стопки.

Первый квартал текущего года. Расходы на рекламу, продвижение и представительские цели автосалона.

На первый взгляд все выглядело образцово. Никаких гигантских разовых платежей по десять или двадцать миллионов, которые сразу вызвали бы тревогу у казначейства хол-

динга «Север-Авто». Политику внутренних лимитов Стас знал назубок: любые платежи свыше двух миллионов рублей требовали обязательного предварительного согласования с финансовым директором группы компаний.

Поэтому здесь работало классическое дробление.

Суммы дробились аккуратно, ювелирно, оставаясь в безопасном коридоре от семисот тысяч до одного миллиона восьмисот. Миллион четыреста — аренда звукового оборудования для презентации новой модели. Девятьсот пятьдесят тысяч — кейтеринг для вип-клиентов. Миллион семьсот — изготовление сувенирной полиграфии и подарочных наборов к открытию весеннего сезона.

Подрядчики в документах чередовались: полиграфическая компания «Вектор», кейтеринговое агентство «Северная пальмира», студия дизайна «Арт-Модуль». Обычные рабочие контрагенты с действующими реквизитами и прозрачной историей.

Но среди них с настойчивостью метронома всплывало другое название.

Общество с ограниченной ответственностью «Меридиан».

Я отложила мышь, взяла из папки первый бумажный пакет документов по этой фирме и разложила его перед собой на стекле.

Договор на оказание комплекса услуг по организации клиентского мероприятия. Приложение с предварительной сме-

той. Акт сдачи-приемки с круглой синей печатью. Счет-фактура.

Дата первого акта: двадцать седьмое января. Сумма: один миллион семьсот семьдесят тысяч рублей.

Предмет: «Организация выездного тест-драйва для ключевых покупателей в загородном отеле в Подмосковье».

Ответственный исполнитель от заказчика — Сомова Яна Владимировна.

В графе согласования стояла стандартная цепочка виз: менеджер проекта, руководитель отдела маркетинга — та же Сомова, затем виза финансовой службы и финальная подпись генерального директора.

Стас. Его размашистый, уверенный автограф с резким ро-счерком вверх.

Я открыла личный ежедневник на телефоне.

Пальцы на секунду замерли над сенсорным стеклом. В горле запершило от сухого офисного воздуха.

Конец января.

Дата зацепила память. В ту неделю Стас уезжал в Ярославль — на совещание региональных дилеров до вечера воскресенья. Я тогда осталась дома одна, варила глинтвейн, перебирала годовые налоговые регистры и звонила ему в субботу вечером. Он снял трубку только с третьего раза, голос звучал глухо, на заднем плане шумела музыка. Сказал: «Аль, мы в ресторане с ярославскими ребятами, шумно, перезвоню из номера». И не перезвонил. Вернулся после вы-

ходных, привез коробку местных пряников и лег спать, со-
славшись на мигрень после тяжелой дороги.

Совпадение цепляло, но ничего не доказывало. Я верну-
лась к акту.

Отель в сорока километрах от МКАД. Выездной тест-
драйв.

Я медленно перевернула страницу акта, дойдя до раздела
приложений.

По регламенту внутренних контролей группы «Север-Ав-
то» любая оплата маркетинговых и праздничных услуг на
сумму свыше пятисот тысяч рублей обязательно должна бы-
ла сопровождаться отчетом о результатах. Не просто бумаж-
кой с текстом «услуги оказаны в полном объеме», а кон-
кретными материальными подтверждениями: списком заре-
гистрированных участников с контактными данными, копи-
ями заказ-нарядов на выданные автомобили и фотоотчетом
с геометками.

Я развернула прикрепленный к акту фотоотчет.

Четыре листа плотной бумаги формата А4, распечатанные
на цветном лазерном принтере.

Снимки были яркими, качественными. Заснеженная пло-
щадка перед модернистским корпусом отеля из темного де-
рева и стекла. Три новых внедорожника с фирменными на-
клейками на бортах. Ледяная трасса, размеченная конусами.
На веранде — накрытые фуршетные столы с белыми скатер-
тями, тяжелые серебряные мармиты, гости в теплых пухови-

ках с бокалами в руках. Людей на фото было много — не меньше пятидесяти человек. Лица улыбались, кто-то позировал на фоне открытого капота, кто-то чокался глинтвейном.

Мероприятие действительно состоялось. Услуги были оказаны.

Я вбила данные в таблицу: дата, сумма, подрядчик, номер акта. Все выглядело чисто.

Но профессиональная вьедливость — это привычка замечать то, что не бросается в глаза при беглом просмотре.

Я потянулась за второй папкой с документами «Меридиана».

Конец марта. Двадцать девятое число.

Снова договор, снова смета, снова акт. Сумма — один миллион четыреста восемьдесят тысяч рублей.

Предмет: «Проведение весеннего закрытого тест-драйва для участников программы лояльности». Локация: картодром в Мячково.

Подпись: Сомова. Виза: Артемьев.

Двадцать девятое марта — выходные перед моим днем рождения. Стас тогда улетал «на срочные переговоры с лизинговой компанией в Нижний Новгород».

Я открыла второй фотоотчет.

Та же заснеженная площадка. Весна в этом году была поздней, снег сошел только к середине апреля, поэтому сугробы по краям трассы выглядели вполне естественно. Те же

три машины. Та же веранда.

Я положила два отчета рядом на стеклянный стол, включила настольную лампу и придвинула листы ближе.

Первый снимок мартовского отчета: группа гостей у фуршетной линии. Мужчина в красной лыжной куртке держит бокал, рядом смеется женщина в серой вязаной шапке с крупным помпоном.

Я перевела взгляд на январский отчет.

Третья страница, нижний правый угол.

Тот же мужчина в красной куртке. Та же женщина в серой шапке с тем же самым помпоном. Та же трещина на деревянной балке веранды за их спинами. Тот же скол на левом мрамите.

Один и тот же кадр.

Его просто кадрилировали иначе: в январском отчете фото было горизонтальным, широким, захватывающим край стола, а в мартовском его обрезали по краям и слегка вытянули по вертикали, изменив контрастность.

Счет на полтора миллиона рублей закрыли снимками, сделанными два месяца назад.

В груди что-то мелко и противно дрогнуло, но руки не шелохнулись.

Это не было догадкой. Это не было ревностью или семейной драмой. Это был документированный дефект внутреннего контроля: повторное использование подтверждающих материалов для обоснования списания представитель-

ских расходов.

Я не стала звать Кирилла. Не стала делать пометок вслух.

Я просто открыла третью папку. Июнь. Тот самый акт от двадцать четвертого числа на один миллион шестьсот пятьдесят тысяч рублей, черновик которого я нашла дома рядом с чеком на изумрудное кольцо.

Загородный клуб «Лесной бор». Презентация новой линейки.

В фотоотчете — летние шатры, белые кресла, зеленый газон. Людей на снимках было существенно меньше, ракурсы брались снизу вверх, обрезая панораму. Из двадцати фотографий пятнадцать представляли собой крупные планы автомобилей и фирменных баннеров без единого человека в кадре.

И под каждым актом «Меридиана» стояло одно и то же примечание финансовой службы: *«Оплата произведена на основании личного распоряжения генерального директора без удержания гарантийного обеспечения»*.

Обход контрольной процедуры. Преодоление установленного регламента высшим должностным лицом.

В системе внутреннего контроля это считалось максимальным уровнем риска. Генеральный директор единолично отменял стандартную защитную меру — удержание десяти процентов от суммы контракта до момента полной проверки отчетности. Деньги уходили подрядчику день в день.

Я углубилась в реестр платежей за полтора года.

Сверка требовала времени. Мне приходилось сопоставлять даты командировок Стаса по авансовым отчетам, даты платежей «Меридиана», реестры выданных на тест-драйв машин и списки участников.

К двум часам дня картина перестала быть случайностью.

Из восьми проведенных «Меридианом» мероприятий за восемнадцать месяцев:

Три — подтверждены реальными, но дублированными фотографиями с прошлых событий.

Два — закрыты актами с минимальным пакетом документов, где списки участников состояли из двадцати человек, а контактные телефоны вели на недействительные городские номера.

Общая сумма, прошедшая через эту фирму за полтора года, составляла одиннадцать миллионов четыреста тысяч рублей. И каждый раз дата закрытия счета совпадала либо с официальной командировкой Стаса на выходные, либо с его внезапными задержками в Москве.

Было ли это прямым хищением?

Нет. Моя профессиональная осторожность не позволяла поставить такой диагноз.

«Меридиан» не был фирмой-однодневкой. Они реально привозили шатры, они реально ставили звук, часть мероприятий действительно проводилась. Это была не классическая «помойка» для обнала, а смешанная схема. Услуги оказывались частично, сметы завышались в полтора-два раза, часть

расходов списывалась в воздух, а под закрытие подкладывались старые отчеты.

Но это был воспроизводимый паттерн. Устойчивый, работающий как часы механизм вывода средств под прикрытием клиентского сервиса.

— Денис, — негромко позвала я аналитика, снимая очки и протирая переносицу.

Парень стянул один наушник, повернулся на вращающемся кресле:

— Да, Алина Сергеевна?

— Сделай мне выборку по контрагенту ООО «Меридиан» из базы договоров. ИНН в карточке. Мне нужны все входящие счета, номера платежных поручений и банковские выписки по их списаниям за прошлый и текущий годы. Полный реестр.

— Сейчас выкачу, — он застучал по клавишам. — А что там? Опять полиграфия кривая?

— Пока просто сверка объемов, — сухо ответила я.

В этот момент матовая стеклянная дверь переговорной без стука распахнулась.

На пороге стояла Яна Сомова.

Сегодня на ней был строгий брючный костюм темно-коричневого, шоколадного оттенка, подчеркивавший тонкую талию, и шелковый топ кремового цвета. Волосы были уложены волосок к волоску, в руке она держала кожаную папку с золотым тиснением и смартфон. Она вошла легким, пружи-

нистым шагом хозяйки, привыкшей, что перед ней открываются любые кабинеты.

За ее спиной в коридоре маячила фигура секретаря финансового директора.

— Добрый день, коллеги, — произнесла Яна. Ее голос звучал звонко, с легкой, едва уловимой ноткой превосходства. — Извините, что без предупреждения. Кирилл, вы старший группы?

Давыдов оторвался от инвентаризационной ведомости, откинулся на спинку кресла:

— Я. Что-то случилось, Яна Владимировна?

— Случилось, — она подошла к столу, положила папку прямо перед Кириллом и постучала ухоженным пальцем по обложке. На ее безымянном пальце блеснуло тонкое кольцо с дорожкой мелких бриллиантов. — Финансовый департамент тормозит согласование платежа по нашему ключевому подрядчику. Ссылаются на то, что вся операционная база сейчас заблокирована под ваши аудиторские выборки.

Кирилл нахмурился:

— Наша работа не блокирует текущие платежи, мы работаем в режиме чтения. Какая статья?

— Маркетинг и клиентские программы, — резко ответила Сомова, бросив быстрый, оценивающий взгляд в мою сторону. Ее карие глаза на секунду задержались на разложенных передо мной листах фотоотчетов, но на моем столе лежали только общие таблицы без названий компаний. — Запуск

программы зимних тест-драйвов на Дмитровском полигоне. Срок оплаты аванса — до конца текущей недели, пятница, шестнадцать ноль-ноль. Сумма — два миллиона триста тысяч. Если деньги не уйдут, бронь полигона слетит, а у нас под это завязана презентация для vip-клиентов перед инвестиционным комитетом.

— Два триста — это выше стандартного лимита операционного директора, — спокойно заметила я, поднимая на нее прямой взгляд. — Требуется виза генерального и заключение финансовой службы.

Яна медленно повернула голову ко мне.

В ее взгляде вспыхнуло раздражение — холодное, поролистое. Она явно не привыкла, чтобы рядовые консультанты вмешивались в ее разговор со старшим менеджером.

— Я в курсе регламентов нашей компании, Алина... Сергеевна, кажется? — с легкой паузой произнесла она. — Станислав Игоревич утвердил параметры этой кампании перед вылетом в Шанхай. У меня есть его письменное согласование по электронной почте. Но Воропаев встал в позу и требует, чтобы платеж прошел через вашу проверку обоснованности, раз уж вы сидите на операционке.

— И правильно требует, — невозмутимо ответил Давыдов, раскрывая принесенную папку. — Если сумма выходит за лимит, а генеральный директор находится в зарубежной командировке, финансовый директор обязан убедиться в прозрачности сметы. Кто подрядчик?

Я опустила глаза в свою таблицу. Внутри все сжалось в тугую, ледяную пружину.

— ООО «Меридиан», — отчеканила Яна, не отводя подбородка. — Наш постоянный партнер по выездным тест-драйвам. Мы работаем с ними два года, у них лучшая материальная база и закрытая трасса.

В переговорной повисла короткая, гулкая тишина. Слышно было только, как за стеклом тяжело вздыхает компрессор климатической системы.

— Папка со сметой останется у нас, — ровно сказала я, протягивая руку и забирая документы со стола Кирилла к себе. — Мы запросим калькуляцию затрат, протокол выбора поставщика и три альтернативных коммерческих предложения.

Лицо Сомовой потемнело.

Она сделала полшага к моему стулу, оперлась ладонью о край стола и понизила голос до жесткого, вибрирующего полупшепота:

— Послушайте, Измайлова. Я понимаю, что вам нужно отрабатывать свой гонорар и показывать холдингу бурную деятельность. Но у нас бизнес. Живой, работающий бизнес, который приносит группе миллиардную выручку. Если из-за вашей занудной бюрократии сорвется ключевое мероприятие перед инвесткомитетом, я лично подниму этот вопрос перед Станиславом Игоревичем. Он вернется через четыре недели. И поверьте, разговор с вашим руководством будет

очень коротким и неприятным.

Она угрожала мужем.

Его властью. Его авторитетом. Его способностью «решать вопросы» с партнерами консалтинговых фирм.

Она защищала свой бюджет, свой проект и свой будущий годовой бонус, искренне уверенная, что за ее спиной стоит несокрушимая скала — влюбленный, сильный генеральный директор, который прикроет любую ее смету одним коротким звонком.

Я медленно поднялась из-за стола.

Я была выше ее на полголовы. Мой темно-серый костюм сидел безупречно, руки лежали на папке, дыхание оставалось абсолютно ровным. Ни один мускул на моем лице не дрогнул.

— Яна Владимировна, — произнесла я тихим, ледяным тоном, от которого даже Денис за соседним столом перестал щелкать клавишами. — Станислав Игоревич Артемьев — генеральный директор проверяемого нами общества. Но заказчиком проверки внутренних контролей выступает инвестиционный комитет холдинга «Север-Авто». По регламенту проверки любая спорная статья расходов с признаками превышения лимитов замораживается до предоставления подтверждающих документов. Если смета обоснована — платеж уйдет в пятницу. Если обоснования нет — вопрос будет вынесен в промежуточный меморандум для управляющего партнера холдинга.

Я сделала паузу, глядя ей прямо в зрачки:

— Вы хотите, чтобы мы упомянули договор с «Меридианом» в отдельном приложении к отчету для Сабурова?

При имени Сабурова Яна едва заметно вздрогнула.

Тень уверенности на ее лице дала первую глубокую трещину. Фамилия управляющего партнера холдинга действовала на топ-менеджмент «Престиж-Авто» как ледяной душ. Против Сабурова влияние Стаса уже не казалось абсолютным.

Сомова медленно выпрямилась, одернула шоколадный жакет и сжала пальцы в замок:

— Документы будут у вас до конца дня, — бросила она сухо, повернулась на каблуках и вышла из переговорной, резко прикрыв за собой дверь.

Кирилл проводил ее долгим, внимательным взглядом, затем повернулся ко мне:

— Жестко ты ее. Что там с этим «Меридианом», Алина? Ты что-то нащупала?

Я положила ладонь на пухлую синюю папку с закрывающими актами. Бумага под пальцами казалась холодной.

— Да, Кирилл, — ответила я, глядя в окно на серый московский дождь. — Я нащупала системный дефект. Повторное использование первички, дублированные фотоотчеты и обход регламента согласования через единоличные визы генерального.

Кирилл присвистнул, снял очки:

— Артемьев лично подписывал исключения?

— Лично. Под каждым спорным платежом.

Давыдов потер лоб, на котором залегли глубокие морщины:

— Черт. Если это подтвердится, отчет будет взрывным. Но нам нужны железные доказательства, Алина. Не косвенные нестыковки в фотографиях, а сплошная выборка и независимая верификация факта оказания услуг. Чтобы ни одна собака из юристов Артемьева не смогла заявить, что мы придираемся к качеству печати.

— Будет сплошная выборка, — спокойно сказала я. — Я запрошу через Воропаева договоры аренды напрямую у самих площадок. Если они подтвердят, что заявленные мероприятия не проводились, — это уже не просто дефект контроля. Это неподтвержденные услуги с закрытыми актами.

Я села обратно за стол и открыла новый файл.

Домашний чек на изумрудное кольцо остался дома, в коробке под зимними пальто. Он больше не был нужен.

Здесь, в официальной базе данных автосалона, ложь моего мужа обрела плоть, номера платежей и круглые синие печати.

Я взглянула на календарь на стене. Вторая неделя проверки.

До приезда управляющего партнера Дмитрия Сабурова оставалось сорок восемь часов.

Глава 8

Алина

К девяти утра Яна Сомова так и не прислала калькуляции по спорному счету на два миллиона триста тысяч.

В «Байкале» было тихо. Денис, натянув капюшон толстовки, ушел с головой в выгрузку по счетам амортизации сервисного оборудования. Кирилл с восемью тридцати сидел на телефонной линии с управляющей компанией холдинга, согласуя формат промежуточного брифинга. За стеклом растаявшая снежная крупа превратила Ленинградку в серое месиво.

Вчера Яна Сомова обещала предоставить протокол выбора поставщика, три альтернативных коммерческих предложения и детальную смету на аренду трека в Дмитрове до конца рабочего дня. К шести вечера во внутреннем электронном ящике не появилось ни строчки. Утром — тоже.

Я не стала отправлять формальное напоминание через приемную Воропаева. Затягивание сроков — любимый прием операционных менеджеров: дотянуть до дедлайна платежа в пятницу, создать искусственную панику вокруг срыва клиентского события и заставить финансовый блок подписать платежку вслепую, под крики о сорванном контракте.

Я взяла планшет с описью недостающей первички, застегнула пуговицы темно-синего шерстяного жакета и вышла в

западное крыло.

Коридор второго этажа был пуст. Мимо массивной дубовой двери кабинета мужа я прошла, не замедляя шага. Внутри было темно, латунная табличка тускло поблескивала в свете потолочных спотов. Хозяин кабинета в этот час, судя по разнице во времени с Пекином, как раз заканчивал второй раунд консультаций с техническим директором завода.

Дверь в отдел маркетинга была приоткрыта на пару дюймов.

Из глубины кабинета доносился негромкий женский смех, шуршание плотной мелованной бумаги и шипение капсульной кофемашины. Пахло дорогим табаком — кто-то курил айкос прямо у приоткрытой балконной створки, — жареным фундуком и пудровым миндальным парфюмом.

Я уже взялась за полированную металлическую ручку, чтобы толкнуть створку, но слова, прозвучавшие из глубины комнаты, заставили пальцы замереть на холодном металле.

— ...да брось ты, Янка, никто твой Дмитров не завернет, — это говорила Лена, та самая блондинка-бухгалтер в трикотажном кардигане. Голос ее звучал тягуче, сыто, с той бабьей доверительностью, которая появляется в офисах во время второго утреннего перекура. — Стас вернется, гаркнет на Воропаева, и деньги улетят за полчаса. Эта сушеная вобла из консалтинга просто цену себе набивает. Видела, как она вчера на тебя зыркала? Сидит в своем мышинном костюмчике за

три копейки, ногти ненакрашенные, волосы в гульку... Такие бабы от одного вида красивой ухоженной женщины желчью захлебываются.

— Дело не в ее костюме, Лен, — отозвалась Яна.

Ее голос звучал непривычно тихо, с приглушенной, усталой хрипотцой. Она стояла спиной к двери — я видела в щель ее тонкий силуэт в бежевой кашемировой водолазке и темных прямых брюках. В правой руке она держала узкую фарфоровую кружку, крутя ее за тонкую ручку.

— Она не дура, — продолжала Яна, и в ее тоне не было вчерашней высокомерной спеси. — Она полезла в закрывающие акты за прошлый год. Подняла фотоотчеты по «Лесному бору». Если она начнет копать подрядчика глубже, Воробаев встанет на дыбы. Он и так спит и видит, как бы урезать наш маркетинговый фонд в пользу сервисной зоны.

— Да пусть копает! — фыркнула Лена, зашуршав оберткой шоколада. — Подрядчик реальный, машины на трек выставлялись, клиенты довольны. Что она там найдет? Пару дублированных кадров в отчете? Скажем, что дизайнер перепутал файлы при верстке презентации. Стас эту тему всегда закрывал сам. Ты лучше скажи, он звонил вчера из Шанхая?

Пауза.

Яна сделала глоток кофе, глядя в окно на серую эстакаду шоссе.

— Звонил, — ответила она тихо. — В два часа ночи по

их времени. Из отеля. Сказал, что переговоры идут тяжело, китайцы торгуются за каждый процент маржи, а холдинг давит дедлайнами по инвестиционному пакету... Сказал, что вымотался до предела.

— А эта?.. — Лена понизила голос, но в пустом открытом офисе акустика была великолепной. — Не звонила ему туда? Мозг не выносила?

Яна горько усмехнулась — короткий, сухой звук, в котором сквозило искреннее, глубокое презрение.

— Она ему даже сообщение не написала, когда он приземлился, представляешь?

Воздух вокруг стал вязким, как застывающий парафин.

— Да ладно?! — ахнула Лена. — Мужик летел девять часов над тайгой, на другой конец света, а она даже дежурную смску не скинула?

— Стас говорит, она перед его отъездом такой скандал дома раскатала — три дня посуду била, — Яна покачала головой, поставив чашку на подоконник. — Приревновала к какой-то служебной переписке в телефоне. Требовала, чтобы он бросил проект, остался в Москве и сидел возле ее юбки. Заявила, что если он улетит, она подаст на раздел имущества и отсудит у него половину акций компании.

— Господи, какая же дрянь, — с искренней ненавистью выдохнула бухгалтерша. — Ну вот откуда такие берутся? Мужик для нее все делает: квартиру в элитном комплексе купил, ремонт дизайнерский оплатил, на курорты два раза

в год возит. Живи и радуйся! Встречай с работы, корми горячим, создавай тыл! Нет, надо выжрать всю печень чайной ложкой.

— Он рассказывал, как они трехлетие брака отмечали, — медленно, с тягучим сочувствием произнесла Яна, и ее пальцы нервно перебрали звенья тонкой цепочки на шее. — Он заказал столик в ресторане, купил ей кольцо с бриллиантом, приготовил сюрприз. А она пришла, посмотрела на чек, устроила истерику прямо при официантах, швырнула коробку ему в лицо и заявила, что он бездарный показушник, который не умеет считать деньги. Развернулась и уехала на такси. Он два часа один сидел с этим чертовым шампанским...

Я слушала.

Холод в затылке стал абсолютно ледяным. Мелкие колющие иглы пробежали по плечам, спустились к локтям, но ладони оставались неподвижными.

Трехлетие брака.

Я помнила этот вечер до единой секунды.

Это был промозглый ноябрь. У Стаса горела сделка по выкупу первой партии тестовых внедорожников, банк задерживал аккредитив, он не спал трое суток. Я знала, как он устал, поэтому отменила бронь в шумном ресторане в центре. Сама запекла утку с яблоками, зажгла свечи, открыла сухое бордо. Когда он ввалился в прихожую в десять вечера — с серым, осунувшимся лицом, с кругами под глазами, — я молча сняла с него пальто, налила горячую ванну с хвоей, принесла

ужин на подносе прямо в спальню. Он уснул у меня на плече в одиннадцать, сжимая мою руку так крепко, что к утру онемели пальцы. А кольцо с бриллиантом он мне действительно подарил — через неделю, когда сделка закрылась. Надел на палец на кухне и тихо сказал: «Спасибо, что ты не требуешь от меня цирка, Алька. С тобой можно просто выдохнуть».

А здесь, за этой дверью, эта сцена превратилась в «швырнула коробку в лицо».

В «истеричку при официантах».

В «бездарного показушника».

Он не просто врал. Он пять лет методично, со вкусом, слой за слоем скармливал окружающим образ чудовища. Он продавал своим коллегам, подчиненным и этой девочке с каре образ благородного великомученика, который тянет на себе крест брака с холодной, расчетливой психопаткой.

И самое страшное было в том, что Яна Сомова не придумывала это.

Она верила.

В ее голосе не было фальши. Не было злорадства соперницы, урвавшей чужой кусок. Там звучала искренняя, жертвенная нежность молодой женщины, уверенной, что спасает сломленного мужчину из лап домашнего тирана. Она считала себя не разлучницей, а героиней. Единственным теплым лучом в его замерзшей, пустой жизни.

Стас создал идеальную систему зеркал.

Дома он убеждал меня, что я переутомилась, что мне ме-

решатся измены, что я разрушаю семью своей профессиональной подозрительностью. На работе он убеждал любовницу, что дома его ждет ледяной ад, оправдывая каждую постельную сцену своей тяжелой душевной травмой.

Удобно. Безупречно. Комфортно со всех сторон.

«Дыши, Измайлова, — приказала я себе, чувствуя, как ногти впиваются в твердый пластик планшета. — Ровно четыре счета. Выдох на шесть. Никаких слез. Никакой драмы».

Если бы я распахнула дверь прямо сейчас, закричала: «Я его жена! Я не била посуду! Я гладила его чертовы рубашки!» — что бы произошло?

Яна бы вжалась в подоконник. Лена вызвала бы охрану. А через полчаса слух о том, что безумная жена генерального директора пробралась в компанию под девичьей фамилией, чтобы устроить публичную сцену ревности, долетел бы до управляющего партнера холдинга. И вся собранная мной доказательная база по «Меридиану» превратилась бы в пшик. В месть обиженной бабы. В истерику, которую юристы Стаса смахнут со стола одним движением руки.

Этого подарка он от меня не получит.

Я медленно опустила ручку вниз.

Дверь тихо скрипнула. Я шагнула через порог.

Разговор в комнате оборвался с той неестественной, оглушительной внезапностью, с какой захлопывается крышка рояля. Лена торопливо смахнула шоколадные крошки со стола в ящик, а Яна резко обернулась, едва не расплескав кофе на

свой бежевый кашемир.

Ее глаза сузились, сканируя меня с ног до головы.

— Доброе утро, коллеги, — произнесла я абсолютно ровным, сухим голосом, в котором не было ни единой живой вибрации. — Яна Владимировна, десять ноль-ноль. Вы обещали предоставить обоснование к счету на два миллиона триста тысяч вчера до конца дня.

Сомова переглянулась с бухгалтершей.

На ее холеном лице промелькнуло раздражение, но она тут же взяла себя в руки. Поставила кружку на подоконник, подошла к своему столу и открыла тонкую серую папку на завязках.

— Документы готовы, Алина Сергеевна, — отчеканила она, стараясь говорить подчеркнуто официально. — Здесь предварительная смета полигона, план заездов и расчет окупаемости кампании. Но я еще раз повторяю: эта программа инициирована лично генеральным директором. Мы ведем туда сорок ключевых клиентов холдинга. Конверсия в повторные покупки по прошлому году составила двадцать восемь процентов. Если мы не внесем аванс за бронь трека до пятницы, площадка уйдет конкурентам из «Атлант-Моторс».

Она протянула мне папку.

Ее пальцы с аккуратным матовым маникюром были спокойными. Она не прятала глаз. В ее позиции была своя, железная коммерческая логика: она боролась за показате-

ли своего отдела, за статус ключевого маркетолога и за свой проектный бонус, который напрямую зависел от закрытия этой сделки.

Она не была мошенницей, пилящей бюджеты в темном углу. Она была менеджером, которого Стас умело использовал вслепую, прикрывая ее активностью свои серые списания.

Я открыла папку прямо стоя.

Первый лист — смета Дмитровского полигона. Аренда полосы, технический персонал, маршалы безопасности, машина скорой помощи, пожарный расчет. Семьсот пятьдесят тысяч рублей. Реальный расчет с печатью автодрома.

Второй лист — кейтеринг и шатры. Триста восемьдесят тысяч.

Третий лист — договор с ООО «Меридиан».

Предмет: «Комплексное координационное сопровождение, технический сценарий и видеосъемка мероприятия».

Сумма: один миллион сто семьдесят тысяч рублей. Ровно половина всего бюджета.

Без расшифровки нормо-часов. Без перечня оборудования. Просто одна круглая, гладкая строка.

— Яна Владимировна, — я подняла на нее спокойный, немигающий взгляд. — Почему координацию и съемку нельзя закрыть силами штатных сотрудников вашего отдела и аккредитованного пула операторов, с которыми у группы заключен годовой рамочный договор? По рамочному тарифу холдинга три съемочных дня на треке стоят двести сорок ты-

сая рублей, а не миллион сто.

Яна нахмурилась, скрестив руки на груди. В ее позе снова проступила защитная агрессия.

— Потому что штатные операторы холдинга снимают корпоративные утренники, а не премиальный автомобильный контент, — резко парировала она. — У «Меридиана» специализированные операторские платформы, динамические камеры на тросах и опыт съемки тест-драйвов на высоких скоростях. Этот материал пойдет в рекламную кампанию на ТВ и в соцсетях. Станислав Игоревич лично согласовал эту статью. Он сказал: на визуале мы экономить не будем.

«Станислав Игоревич лично согласовал».

Конечно.

Семьсот пятьдесят тысяч рублей на полигон — реальные затраты. Триста восемьдесят тысяч на питание — реальные. А сверху аккуратно прилеплен миллион сто семьдесят тысяч на «специализированные камеры» через того же подрядчика с повторяющимися датами. Идеальная смешанная схема. И девочка защищает ее насмерть, даже не понимая, что в этой смете зашит не «премиальный контент», а чье-то изумрудное кольцо.

— Документы приняты к рассмотрению, — сказала я, закрывая папку. — Ответ по согласованию платежа финансовая служба предоставит завтра до шестнадцати ноль-ноль.

— До завтра?! — вспыхнула Яна, сделав шаг вперед. — Но бронь слетает в пятницу утром!

— Завтра до шестнадцати ноль-ноль, Яна Владимировна,
— повторила я тихо и твердо, глядя ей прямо в зрачки. —
Это стандартный регламент проверки внутренних контро-
лей.

Я развернулась и пошла к выходу.

Я чувствовала, как Лена прожигает мой жакет ненавидя-
щим взглядом, представляя, наверное, как расскажет Стасу
по возвращении, какая занудная мышь из «ФинСферы» му-
чила бедную Яночку.

Пусть рассказывают.

Я вернулась в переговорную «Байкал», положила папку на
стол и села в кресло. Пальцы слегка ныли от напряжения, в
висках глухо стучала кровь.

Я открыла корпоративную почту, чтобы зафиксировать
входящий номер документов.

Входящий ящик мигнул жирным шрифтом.

Новое письмо с пометкой высокой важности.

Отправитель: *Секретариат Инвестиционного комитета
группы компаний «Север-Авто».*

Тема: *«Очная выездная сессия управляющего партнера.
ООО “Престиж-Авто”. Четверг, 14:00».*

Я щелкнула по уведомлению.

На белом экране развернулся официальный бланк хол-
динга с темно-синей шапкой:

*«Уведомляем проектную группу “ФинСфера Консалт” и
операционное руководство ООО “Престиж-Авто” о проведе-*

нии промежуточной рабочей сессии по статусу проверки системы внутренних контролей перед заседанием Инвестиционного комитета.

Дата: четверг текущей недели. Время: 14:00–16:00. Место: центральный офис ООО “Престиж-Авто”, переговорная “Байкал”.

Председательствующий: Управляющий партнер, член Совета директоров группы компаний “Север-Авто” **Сабуров Дмитрий Андреевич**.

Повестка: 1. Предварительные результаты выборочного тестирования операционных расходов. 2. Оценка рисков контрольной среды перед выделением инвестиционного транша. 3. Рассмотрение заблокированных платежей текущего периода».

Буквы на экране застыли.

Сабуров Дмитрий Андреевич.

До сегодняшнего утра это было просто фамилией. Случайным совпадением, созвучием из уст мужа за ужином. В Москве живут десятки Сабуровых.

Но отчество перечеркнуло теорию вероятностей.

Андреевич.

Перед глазами словно щелкнул старый проектор, осветив обшарпанный коридор школы номер четыре в маленьком городке под Тверью.

Сентябрь семнадцатилетней давности.

Учительская. Классная руководительница, сухонькая ис-

торичка в роговых очках, раздраженно стучит указкой по столу: *«Сабуров Дмитрий Андреевич! Ты опять сорвал урок физики? Думаешь, если у тебя отец погиб, а мать работает санитаркой на две ставки, тебе все с рук сойдет?»*

А у стены стоял долговязый, худой парень в застиранной серой толстовке с чужого плеча. С разбитой в кровь губой, со сбитыми костяшками на кулаках. Он молчал. Смотрел волком — исподлобья, тяжело, не мигая, затаив внутри такую глухую, страшную ярость, от которой даже взрослые невольно отводили глаза.

Тот самый Сабуров.

Мальчик, над чьей стоптанной обувью потешался весь класс. Парень, которому через несколько недель устроят то самое подлое, публичное унижение в раздевалке спортзала, после которого его семья в спешке, за одну ночь, бросит квартиру и навсегда уедет из города...

Теперь он был здесь.

Управляющий партнер многомиллиардной автомобильной империи. Человек, от одного взгляда которого бледнели коммерческие директора автосалонов. Мужчина, перед которым завтра в два часа дня мне предстояло защищать выборку по операционным расходам компании моего мужа.

Кирилл оторвался от телефона, шумно захлопнул блокнот и повернулся ко мне:

— Алина, ты видела почту? Завтра Сабуров приезжает лично.

— Видела, — тихо ответила я, не отрывая взгляда от экрана. Пальцы на краю стола были холодными.

— У него репутация бульдозера, — Давыдов потер переносицу, на его лбу залегла глубокая складка. — Он не слушает общие фразы. Ему нужны цифры, ссылки на регламенты и четкая квалификация рисков. Если мы покажем ему дутые претензии — он вышвырнет нас с проекта и разорвет контракт с «ФинСферой». Но если мы докажем системный дефект в «Меридиане» — расширение автосалона встанет намертво. Собери все выгрузки в единую презентацию к завтрашнему утру. Документы должны быть безупречными.

— Они будут безупречными, Кирилл, — сказала я.

Я закрыла вкладку с письмом.

На часах было одиннадцать тридцать.

До очной встречи с человеком из прошлого оставалось ровно двадцать шесть часов с половиной.

Если он вообще помнил меня после семнадцати лет, то помнил девочкой из десятого класса за первой партой.

А завтра он войдет в эту переговорную как хозяин положения, готовый судить чужие ошибки. Для него консультант Измайлова все еще не была связана с женой Артемьева: эту связь я в холдинге не раскрывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.